

Внутренній релігійний опытъ въ дѣлѣ изслѣдованія и апологіи христіанства¹⁾

II.

Если, такимъ образомъ, долгъ призываетъ насъ развивать и возвышать свою духовную жизнь, если это задача наша, какъ разумно-свободныхъ существъ, если въ этомъ цѣль нашего разумнаго бытія, то какъ же можно упражнять себя духовно, какъ можно развивать и совершенствовать свое духовное существо? Правда, мы знаемъ, что цѣль наша — въ общеніи нашемъ съ Богомъ, что для этого мы должны любить Бога и исполнять заповѣди Его. „Приложить бы только слово: вотъ путь! иди! Легко сказать; но какъ сдѣлать это? Большею частью неостаетъ желанія идти. Какъ же дойти до того, чтобы родилось желаніе идти къ Богу путемъ Христовымъ, чтобы законъ напечатѣлся въ сердцѣ и чловѣкѣ, дѣйствуя по этому закону, дѣйствовать какъ бы отъ себя, непринужденно? Но и кромѣ желанія необходимо еще имѣть силы и умѣнье дѣйствовать: кто вступить на истинный путь богоугождения, тому неминуемо будутъ угрожать опасности сбиться на распутіи, заблудиться и погибать, воображая себя спасаемымъ. Эти общія вѣдмъ неизбежности дѣлають необходимыми особыя руководительныя правила о томъ, какъ дойти до спасительнаго желанія богообщенія и ревности пребывать въ немъ и какъ безбѣдно пройти къ Богу,—какъ начать жить по христіански и какъ, начавши, усовершениться въ этомъ“²⁾. Мы только указываемъ все это, но не задаемся цѣлію начертать такія правила: есть хорошія книги, писанныя просвѣщенными не только отъ міра, но и отъ Бога мужами; у отцовъ

¹⁾ См. Труды Киевской Духовной Академіи 1912 г., Сентябрь.

²⁾ Еп. *Геофилъ*. Путь ко спасенію, изд. 6, Одесса, 1886, стр. 3 - 6

церкви, на творенія которыхъ ссылались мы много разъ, внимательному читателю возможно найти весьма доброе руководство для себя въ богоугодной жизни; въ книгѣ о. Иоанна Сергіева „Моя жизнь во Христѣ“ желающій найдетъ весьма много указаній, какъ и самъ онъ можетъ сдѣлать жизнь свою жизнію во Христѣ; въ сочиненіяхъ епископа Теофана затворника „Путь ко спасенію“, „Письма о духовной жизни“, „Письма о христіанской жизни“ начертанъ цѣлый путь духовнаго дѣланія, цѣлый процессъ духовнаго совершенствованія челоука. Не повторяемъ того, что содержится тамъ; сдѣлаемъ только малую выдержку изъ Писемъ еп. Теофана о духовной жизни. „Какъ возжечь постоянный огонекъ или теплоту въ сердцѣ? пишетъ еп. Теофанъ Припомниге, какъ возбуждается теплота въ физическомъ мірѣ: труть дерево о дерево и получаютъ теплоту и даже огонь; держать вещь на солнцѣ и она согрѣвается, а если сосредоточить побольше лучей, то и загорается. Способъ къ зарожденію духовной теплоты похожъ на это: трение—труды подвижничества; держащее на солнцѣ—умная молитва къ Богу. Труды подвижничества—это весь порядокъ богоугодной жизни. Перескажу его коротко. Послѣ того, какъ въ покаяніи положено твердое намѣреніе работать Господу и не оскорблять Его грѣхами,—для успѣха въ этомъ и для дальнѣйшаго движенія по степенямъ совершенства христіанской жизни, требуется измѣнить внѣшній образъ жизни и внѣшнія свои отношенія; по требованію даннаго обѣта, связать тѣло правилами во всѣхъ его погрѣбностяхъ, особенно тѣхъ, которыя больше даютъ поспоры страстямъ,—благоразумнымъ воздержаніемъ, посильнымъ бдѣніемъ и трудомъ и отстраненіемъ раздраженія чувствъ; занимать неопустительно всѣ силы душъ, по духу пачатой жизни,—умъ душеспасительнымъ чтеніемъ, собесѣдованіемъ и богомыслиемъ, волю—благими дѣлами и начинаніями въ исполненіи заповѣдей Божиихъ, а сердце—всякимъ видомъ молитвованія, церковнаго и домашняго, для

возбужденія и утвержденія въ немъ святыхъ чувствъ и сочувствій къ небесному; старательно держать духъ въ страхѣ Божіемъ, въ отрѣшеніи отъ земныхъ благъ, и болѣе всего въ покой со стороны совѣсти. Такъ будутъ въ постоянномъ треніи и духъ, и душа, и тѣло, во всѣхъ силахъ и отправленияхъ, а чрезъ нихъ и сердце, средоточіе всѣхъ ихъ. Отъ этого оно само собою будетъ разогрѣваться все болѣе и болѣе, какъ идущій естественно разогрѣвается отъ движенія и напряженія силъ" ¹⁾. Въ другомъ сочиненіи преосвящ. Теофана, „Путь ко спасенію“, указанный выше процессъ духовнаго дѣланія изображенъ подробно: здѣсь обстоятельно указаны и разъяснены духовныя упражненія, касающіяся ума (чтеніе слова Божія и другихъ душеспасительныхъ писаній, богомысліе, собесѣдованія съ благочестивыми людьми), воля (соблюденіе уставовъ и порядковъ церковной и гражданской жизни, вниманіе къ своей совѣсти), чувства (молитвы церковныя и домашнія, почитаніе свящ. изображеній, соблюденіе благочестивыхъ обычаевъ) и, наконецъ, тѣла (храненіе слуха, зрѣнія, устъ, языка, трудъ, бдѣніе, воздержаніе отъ пищи). „Трудами подвижничества,—продолжаетъ преосвящ. Теофанъ въ Письмахъ своихъ о духовной жизни,—можетъ загорѣться огонь и въ сердцѣ, но не скоро, если они остаются одна: путь этотъ многопрепятственъ. Потому то пастари ревнители спасенія, опытные въ духовной жизни, не отступая отъ этихъ трудовъ, по Божію внушенію, открыли и предали къ употребленію всѣхъ другой способъ для согрѣтія сердца, и притомъ простѣйшій и легчайшій на видъ, но не менѣ трудный къ исполненію, только скорѣе приводящій къ цѣли: это—цѣлесообразное совершеніе умной молитвы къ Господу Спасителю. Оно состоитъ въ слѣдующемъ: стань ухомъ

¹⁾ *Еп. Теофанъ. Письма о духовной жизни, стр. 66 -67.*

и вниманіемъ въ сердцѣ и, возставивъ убѣжденіе, что Господь близъ и внимаешь, вызывая къ Нему умиленно: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя грѣшнаго,—и дѣлай это непрестанно, и въ церкви, и дома (предъ молитвословіемъ, въ промежуткахъ молитвословія и въ концѣ), и на пути, и за дѣломъ, и за столомъ, и въ постели, словомъ—весь день, съ той минуты, какъ откроешь глаза, до той, какъ закроешь ихъ,—чтобъ всѣ моменты дня наполнить молитвою¹⁾. Небольшой трудъ требуется, только постоянный. Это будетъ точь въ точь соответствовать держанію вещи на солнцѣ, потому что тутъ есть держаніе себя предъ лицомъ Господа, Который есть солнце умаго міра. Сначала эта спасительная молитва обыкновенно бываетъ трудная, дѣлательная; но если не полѣнится кто потрудиться надъ нею, она станетъ и самодвижною, сама будетъ твориться, словно ручеекъ журчащій въ сердцѣ. Вѣдать над-

¹⁾ Разумѣется, объясняетъ пресвящ. Теофанъ, эта „молитва Іисусова не таинство какой; не въ словахъ вся сила, одно повтореніе словъ ничего не значитъ; слова—только пособія вемощному уму, который неохотно стоитъ на одномъ мѣстѣ и на одномъ предметѣ. Сила молитвы Іисусовой—отъ вѣры въ Господа и глубокаго съ Нимъ сочетанія сердца и ума; при такихъ расположеніяхъ призываемое имя Господа оказываетъ многодѣйственнымъ. Существо сего дѣла—стояніе умомъ въ сердцѣ предъ лицомъ Господа, со страхомъ и трепетомъ, непрестанное, неотходное, сопровождаемое теплотою сердца, стягивающею во едино всѣ мысли и чувства и расположенія. Когда у васъ тепло на сердцѣ, есть благоговѣніе, умъ зрѣтъ Господа, это и есть существо дѣла; облеките въ форму слова это состояніе и будетъ: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя! И обратно, когда нѣтъ того состоянія, сія молитва будетъ воспроизводить его; только со вниманіемъ, съ мыслию и съ сознаніемъ подобно произносить ее. Читая безъ сознанія какая польза? Вѣдь это не заговоръ какой. Вамъ пріятнѣе молитва Богородицѣ, читайте ее; или Отче нашъ; или другой стишекъ, который держитъ умъ въ порядкѣ. И отцы такъ дѣлали не всѣ одну молитву творили. У Іоаннія Великаго было: Упованіе мое Отецъ, приближице мое Сыиъ, покровъ мой Духъ Святый. А потомъ всеми признана молитва Іисусова.—по чину Маріи, у ногъ Спасителя присѣдающей, въ чемъ единое на потребу“ (Еп. Теофанъ. Письма о духовной жизни, стр. 144. Егоже Письма о христіанской жизни, стр. 46, 59)

лежить, что плодъ отъ этой молитвы начинается тогда, когда она привьется къ сердцу и углубится въ него; а для этого надобно потрудиться надъ навыкомъ совершать ее; и стоитъ потрудиться, чтобъ достигнуть его: это—благо великое. Труженики, преуспѣвшіе въ молитвѣ, указываютъ для этого небольшой трудъ или немноготрудное упражненіе молитвенное, именно: прежде или послѣ молитвеннаго правила, утренняго или вечерняго, а то и днемъ, опредѣли нѣсколько времени на совершеніе исключительно этой одной молитвы и совершай ее такъ: сядь, а лучше стой молитвенно, сосредоточься вниманіемъ въ сердцѣ предъ Господомъ, воздвигнувъ убѣжденіе, что Онъ тутъ и внимаешь тебѣ, и взывай къ Нему: Господи, Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя,—и клади поклоны, если есть охота, поелые иземные; такъ дѣлай четверть часа, полчаса, больше или меньше, какъ тебѣ удобнѣе; чѣмъ усерднѣе потрудишься, тѣмъ скорѣе молитва эта привьется къ сердцу. Лучше взятыся за дѣло поревностнѣе и не отступать, пока не достигнешь желаемаго или пока молитва эта не начнетъ сама двигаться въ сердцѣ; послѣ того только поддерживай. Успѣхъ въ семъ дѣлѣ зависить отъ вѣры, съ какою берутся за это упражненіе, отъ мѣры усердія въ продолженіи и правильности совершенія его" ¹⁾. „Когда все это будешь проходить съ усердіемъ, пелѣнно и неопустительно,—милостивъ Господь,—затеплится огонекъ въ сердцѣ, неотходный духовный огонь, благодатный, огонь внутренней духовной жизни, о Господѣ, появится теплота сердечная или горѣніе духа" ²⁾,

¹⁾ Еп. *Феофана*. Письма о духовной жизни, стр. 68—69, 139—141
Егоже Письма о христіанской жизни, стр. 54

²⁾ „Теплота въ сердцѣ, говорить преосвящ. *Феофанъ*, бываетъ и при чтеніи, и при богомыслии, и при молитвѣ, и въ церкви, и при бесѣдѣ, но какая-то легкая, навѣянная, а не привитая; надобно, чтобы она сосредоточилась въ сердцѣ, привилась къ нему, затила и горѣла; тогда любѣ" (Письма о христіанской жизни, стр. 53).

сердце будетъ согрѣваться и горѣніе духа будетъ становиться непрестаннымъ по мѣрѣ того, какъ молитва Іисусова будетъ виѣдраться въ сердце, занимать его все и становиться непрестанно движущеюся¹⁾; этотъ благодатный огонекъ есть знакъ посѣщенія человека Господомъ милостію Своею; это—ощутимое богообщеніе, это—свидѣтельство о зарожденіи въ средоточіи естества нашего внутренней духовной жизни, о воцареніи Господа въ насъ, о водвореніи и раскрытіи царствія Божія внутри насъ; это—тотъ огонь, который Господь пришелъ возрости на землю; онъ начинаетъ пережигать всѣ силы человѣческаго естества изъ средоточія его. Если долгимъ треніемъ возбудите вы огонь и вложите его въ дрова, дрова загорятся и, гора, будутъ издавать трескъ и дымъ, пока перегорятъ; перегорѣвшія же являютъ проникнутыми огнемъ, издавая пріятный свѣтъ, безъ дыма и треска; токъ въ токъ подобное же происходитъ и внутри: огонь воспринять, начинается перегораніе; сколько при этомъ дыма и треска—знаютъ испытавшіе; но когда все перегоритъ, дымъ и трескъ прекращаются и внутри качественно только свѣтъ; состояніе это есть состояніе чистоты; до него долгій путь. Но Господь многомилостивъ и всемогущъ... Короче можно выразить все это такъ: терпѣливо проходи весь порядокъ богоугодной жизни,—молись много, и дома, и въ церкви, особенно молитвою умною²⁾,—исправляй всѣ дѣла на тебѣ лежація добросовѣстно, чтобы совѣсть твоя всегда была чиста предъ Богомъ, людьми и вещами,—ни къ чему не будь привязанъ и ни на чемъ не опирайся надеждою, ни на своихъ дарованіяхъ, ни на сво-

¹⁾ „Оттого, замѣчаетъ преосв. Феофанъ, получившіе зарождение совершенной внутренней жизни почти исключительно молятся этою молитвою, опредѣляя ею свое молитвенное правило“ (Шестма о духовной жизни, стр. 141).

²⁾ Умная молитва—это *своя* молитва, исходящая изъ сердца, въ отличіе отъ „чужихъ“ молитвъ (ibid., стр. 143).

емъ достоинствъ, ни на своемъ внѣшнемъ положеніи; но, вмѣнивъ все это въ уметы, положи утвержденіе свое въ единомъ Богѣ. Устройся такъ, съ терпѣніемъ жди, пока придетъ желаемое, искомое и чаемое. Вотъ и все“¹⁾. Конечно, душа духовнаго дѣланія человѣка есть молитва, „непрестанное обращеніе ума къ Господу въ сердцѣ, или непрестанное предстояніе Господу умомъ въ сердцѣ, съ воззваніями къ Нему или безъ воззваній, съ одними чувствами преданности и сокрушеннымъ припадениемъ къ Нему въ сердцѣ“²⁾,—молитва „не по тѣлесному намыслу, не по привычкѣ вопіять, молчать, преклонять колѣна“, а молитва „трезвенная, внимательная, при которой умъ утвержденья бываетъ въ Богѣ, не развлекался и не кружась въ помыслахъ“³⁾. Самъ Спаситель и апостолы заповѣдали намъ *всегда, во всякое время, непрестанно молиться*⁴⁾, потому что „прилежная молитва даруетъ намъ многое, вызываетъ посѣщеніе и помощь отъ Господа и самого Духа вселяетъ въ души“⁵⁾. Это „обрученіе Святаго Духа неизъяснимо и для того, кто стяжалъ его, такъ какъ оно постигается непостижимо, держится недержимо, видится невидимо; живетъ, глаголетъ и движетъ того, кто стяжалъ его; отлетаетъ изъ таинницы, въ коей пребываетъ запечатлѣннымъ, и опять обрѣтается тамъ неожиданно, чѣмъ образуетъ убѣжденіе, что оно какъ присѣщеніи своего не дѣлаетъ утвержденнымъ однажды навсегда, такъ отшествія своего—невозвратнымъ, послѣ котораго уже не возвратилось бы; такимъ образомъ стяжавшій его, и когда не имѣетъ его (присущимъ осязатель-

¹⁾ Еп. *Геофана*. Письма о духовной жизни, стр. 69—70, 87, 90, 100, 101, 122, 130, 141. Егоже Письма о христіанской жизни, стр. 53—54.

²⁾ Еп. *Геофанъ*. Письма о духовной жизни, стр. 132—133.

³⁾ Преп. Макарія Египетскаго бесѣды, посланіе и слова, стр. 322.

⁴⁾ Лк. 18. 1; Еф. 6, 18; 1 Тим. 5, 17.

⁵⁾ Преп. Макарія Египетскаго бесѣды, посланіе и слова, стр. 442, 466.

но), есть какъ бы имѣлъ его, и когда имѣеть его, въ такомъ находится расположеніи, какъ бы не имѣлъ его“ ¹⁾. Молитва въ духовной жизни то же, что воздухъ въ физической жизни человѣка: „когда возгнетутъ огонь, нужно движеніе воздуха, чтобы раздувать его; точно такъ же, когда возгнетется огонь благодати въ сердцѣ, нужна молитва, которая есть своего рода движеніе воздуха духовнаго въ сердцѣ“ ²⁾; въ молитвенномъ „дѣйстви или, скорѣе, настроеніи главное средство къ поддержанію внутренней теплоты и всего внутреннего порядка“ ³⁾; „умная молитва есть главный двигатель и правитель духовной жизни“ ⁴⁾, „первое дѣло въ нравственно-религіозной жизни“ человѣка; и это потому, что молитва есть „взаимообщеніе“ между человѣкомъ и Богомъ, „сознательно-свободное отношеніе человѣка къ Богу“ ⁵⁾. Молитва, которая „непрестанно теплится въ сердцѣ“, до такой степени связана съ духовною жизнію человѣка, что „съ прекращеніемъ этой теплоты молитвы прекращается и движеніе духовной жизни, какъ съ прекращеніемъ дыханія прекращается жизнь тѣлесная“ ⁶⁾. Но человѣкъ живущій духовною жизнію, сподобившійся посѣщенія Господа, вселенія Духа въ душу его за любовь къ Богу, за соблюденіе заповѣдей Его, „облекается свыше сходящею силою Святаго Духа, Который не является чувственно, въ видѣ огня, и не приходитъ съ великимъ шумомъ и дыханіемъ бурнымъ (это совершилось только на апостолахъ—для невѣрующихъ), но зримъ бываетъ умно (мысленно), какъ умный свѣтъ, и приходитъ съ тихостію, принося обрадованіе“ ⁷⁾.

¹⁾ Слова преп. Симеона новаго Богослова, вып. 2, стр. 536.

²⁾ Еп. *Геофанг*. Письма о духовной жизни, стр. 132.

³⁾ *Ibid.*, стр. 133.

⁴⁾ *Ibid.*

⁵⁾ *Ibid.*, стр. 133—134.

⁶⁾ *Ibid.*, стр. 89.

⁷⁾ Слова преп. Симеона новаго Богослова, вып. 1, стр. 158; вып. 2, стр. 225.

Человѣкъ чувствуетъ Бога въ себѣ: „въ сердцѣ воображается Онъ и не тѣлесно, а безтѣлесно и какъ подобаетъ Богу; впрочемъ, какъ женщина, имѣющая во чревѣ, знаетъ о томъ ясно, такъ какъ младенецъ во чревѣ ея дѣлаетъ нѣкоторыя движенія, и нельзя ей не знать, что имѣетъ плодъ во чревѣ, такъ и тотъ, кто имѣетъ вообразившимся въ себѣ Христа, знаетъ движенія Его и разыгранія, т. е. осіяніе и облистаніе Его, и видитъ внутри себя изображение Христа; какъ въ зеркалѣ видится свѣтъ свѣтильника, такъ видится въ немъ Христосъ, однакожъ не призрачно и не несущественно, каково то, что видится въ зеркалѣ, но въ немъ видится Христосъ, какъ свѣтъ, всуущественно, невидимо видимымъ и недомыслимо постигаемымъ, во образѣ безобразномъ и въ видѣ безвидномъ“ ¹⁾. И съ этого момента человѣкъ, „къ которому приходитъ Отецъ и Сынъ съ Духомъ Святымъ и обитель себѣ въ немъ творятъ“, внутреннимъ опытомъ своимъ будетъ „постигать непостижимое въ вѣрѣ нашей“ ²⁾, сердцемъ своимъ будетъ познавать тѣ религіозныя истины, которыя раньше познавалъ только умомъ: эти истины теперь будутъ переживаться его внутреннимъ существомъ, будутъ чувствоваться имъ; „совершенная тайна христіанства въ вѣрующей душѣ будетъ опытно дознаваться по божественной дѣйственности, по озаренію небеснымъ свѣтомъ въ откровеніи и силѣ Духа“ ³⁾. Человѣкъ будетъ воспринимать въ себѣ воздѣйствіе Бога, будетъ внутренне ощущать Его присутствіе въ себѣ, „будетъ зрѣть и несомнѣнно умопредставлять Отца и Сына съ Духомъ Святымъ въ единомъ нераздѣльномъ свѣтѣ“ ⁴⁾, потому что Богъ вообще очень близокъ къ человѣческой душѣ и душа къ Богу. Нѣтъ иной такой близости и взаимности,—пишетъ преп.

¹⁾ Ibid., вып. 2, стр. 59.

²⁾ Ibid., стр. 59—60.

³⁾ Преп. Макарія Египетскаго бесѣды, посланіе и слова, стр. 95, 92.

⁴⁾ Слова преп. Симеона новаго Богослова, вып. 2, стр. 59—60.

Макарій Великій, —какая есть у души съ Богомъ и у Бога съ душею. Богъ сотворилъ разные роды птицъ: однихъ, чтобы гнѣздились на сушѣ и здѣсь находили себѣ пищу и покой; а другихъ, чтобы гнѣздились на водѣ и тамъ проводили жизнь. Онъ создалъ также два міра: одинъ—горѣ для служебныхъ духовъ, и тамъ повелѣлъ имѣть имъ жительство; другой—долу, подъ самъ воздухомъ, для людей. Создалъ же небо и землю, солнце и луну, воды, дерева плодоносныя, всякіе роды животныхъ. Но ни въ одной изъ сихъ тварей не почиваетъ Господь. Всякая тварь во власти Его; однакоже не утвердилъ въ нихъ престола, не установилъ съ ними общенія; благоволилъ же о единомъ человѣкѣ, съ нимъ вступивъ въ общеніе и въ немъ почивая; въ единеніе и общеніе съ Духомъ собственнаго Своего естества Богъ благоволилъ ввести не другое какое-либо существо, или небо, или солнце, или звѣзды, или море, или землю, или иную какую видимую тварь, но только одного человѣка, котораго возлюбилъ паче Своихъ тварей. Душу человѣка Богъ создалъ такою, чтобы содѣлаться ей невестою и сообщницею Его, чтобы и Ему быть въ единеніи съ нею и ей быть съ Нимъ въ единый духъ. Видишь ли въ этомъ сродство Бога съ человѣкомъ и человѣка съ Богомъ? Посему душа смысленная и благоразумная, обошедши всѣ созданія, вездѣ не находятъ себѣ упокоенія, какъ только въ единомъ Господѣ; и Господь ни къ кому не благоволилъ, какъ только къ единому человѣку“¹⁾. А кто еще самъ соединяется съ Господомъ, тотъ есть одинъ духъ съ Господомъ²⁾. И „когда душа прилѣпляется къ Господу, то и Господь, милуя и любя ее, приходитъ и прилѣпляется къ ней, и разумѣніе ея непрестанно уже пребываетъ въ благодати Господней, тогда душа и Господь дѣлаются еди-

¹⁾ Преп. Макарія Египетскаго бесѣды, посланіе и слова, стр. 380, 606, 388.

²⁾ 1 Кор. 6, 17.

ный духъ, единое сраствореніе, единый умъ; тѣло души остается поверженнымъ на землѣ, а умъ ея всецѣло жительствуетъ въ небесномъ Іерусалимѣ, восходя до третьяго неба, прилѣпляясь къ Господу и тамъ служа Ему. И самъ Сѣдящій въ небесномъ градѣ на престолѣ величества на высокихъ весь пребываетъ съ душою въ тѣлѣ ея, потому что образъ ея положилъ Онъ горѣ, въ небесномъ градѣ святыхъ Іерусалимѣ, а собственный образъ неизреченнаго свѣта божества Своего положилъ въ тѣлѣ ея. Онъ служить ей во градѣ тѣла и она служить Ему во градѣ небесномъ. Душа сдѣлалась наслѣдницею Его въ небесахъ, а Онъ пріялъ ее въ наслѣдіе на землѣ; ибо Господь дѣлается наслѣдіемъ души и душа наслѣдіемъ Господа. Мысль и умъ даже омраченныхъ грѣшниковъ могутъ быть весьма далеко отъ тѣла, имѣютъ силу во мгновеніе времени пробѣгать большія пространства, переходить въ отдаленныя страны, и нерѣдко тѣло повержено на землѣ, а мысль въ другой сторонѣ пребываетъ съ возлюбленнымъ или съ возлюбленною и видитъ себя какъ бы живущею тамъ. А если душа грѣшника такъ тонка и быстрокрыла и уму ея нѣтъ препятствія быть въ отдаленныхъ мѣстахъ, тѣмъ паче душа, съ которой покрывало тьмы снято силою Духа Святаго, когда умныя очи ея просвѣщены небеснымъ свѣтомъ и совершенно избавлена она отъ страстей безчестія, содѣлалась чистою по благодати, всецѣло на небесахъ служить Господу духомъ и всецѣло служить Ему тѣломъ и столько расширяется мыслию, что бываетъ повсюду и, гдѣ хочетъ и когда хочетъ, служить Христу. Разматривай неизреченныя тайны души, съ которой Господь съемлетъ лежащую на ней тьму и открываетъ ее, и Самъ ей открыва^тся. Какъ расширяетъ и распростираетъ мысли ума ея и въ широту, и въ долготу, и въ глубину, и въ высоту всей видимой и невидимой твари“¹⁾. И „если кто почититъ Бога,

¹⁾ Преп. Макарія Египетскаго бесѣды, посланіе и слова, стр. 385—387.

приметь Его и дать Ему мѣсто и упокоеніе въ себѣ, то услышать изъ сокровищъ Духа Его неизреченныя тайны; не припадая къ персямъ Владыки Христа, какъ припалъ нѣкогда возлюбленный ученикъ Его Іоаннъ, но имѣя внутри персей своихъ все слово Божіе, будетъ онъ богословствовать богословіе новое и ветхое и добръ пойметъ всѣ богословія, какія изречены и написаны были доселѣ, и селѣдается органомъ Духа доброгласнымъ, издающимъ мелодіи, пріятнѣйшія паче всякой музыки“¹⁾. Человѣкъ получить „умъ Христовъ, т. е. благодать Святаго Духа, просвѣщающую и подающую духовное божественное вѣдѣніе“²⁾; „озареніемъ Духа съ души вѣрной и истинно достойной снято будетъ покрывало тьмы, которое вслѣдствіе Адамова преступленія нашло себѣ мѣсто въ человѣчествѣ“³⁾; „откроются и благодатно просвѣтятся, озарятся мысли“⁴⁾, „прозрѣютъ умныя чувства“⁵⁾, „отверзутся очи душевныя, которыя будутъ видѣть сокрытыя въ душѣ тайны, невидимое и божественное богатство, сокровенное для очей сыновъ плоти и открываемое Духомъ питающимся съ трапезы Христовой“⁶⁾; „очистится открыеніемъ тайнъ умъ, ибо очищается онъ отъ всего, что по дебелости своей подлечить чувству; малыя дѣти невинны тѣломъ, безстрастны по душѣ, но никто не назоветъ ихъ чистыми и по уму; ибо чистота ума есть совершенство въ самомъ дѣйствіи небеснаго воззрѣнія, къ которому безъ участія чувствъ возбуждается духовною силою горнихъ украшеній и безчисленныхъ чудесъ онаго небеснаго міра, наслажденіе которыми въ невидимомъ служеніи ихъ раздѣ-

¹⁾ Слова преп. Симеона новаго Богослова, вып. 2, стр. 366—367.

²⁾ Ibid., вып. 1, стр. 207—208.

³⁾ Преп. Макарія Египетскаго бесѣды, посланіе и слова, стр. 596.

⁴⁾ Ibid., стр. 596—597, 87.

⁵⁾ Ibid., стр. 599.

⁶⁾ Слова преп. Симеона новаго Богослова, вып. 1, стр. 411. Св. Исаака Сиріянина слова подвижническія, стр. 161—162.

няется для тѣхъ и другихъ тонкими умопредставляемыми божественными откровеніями, непрестанно и на всякій часъ измѣняющимися“ ¹⁾. Человѣкъ будетъ получать „откровеніе дѣлъ великихъ“, „сподобится пріять познаніе божественныхъ таинъ“, увидить „дивныя и преславныя чудеса“ Божіи, которыя будетъ „извѣдывать опытно“ ²⁾. Богъ самъ будетъ „тайноводить душу къ вѣдѣнію всѣхъ небесныхъ таинъ“ ³⁾; душа вся „освѣтится“ ⁴⁾, сдѣлается „вся свѣтомъ, вся окомъ, вся духомъ, вся радостію, вся упокоеніемъ“ ⁵⁾, „хотя не можетъ понять и изречь то, что видитъ; ибо самъ умъ тогда есть свѣтъ и видитъ Свѣтъ всяческихъ, т. е. Бога, и Свѣтъ сей, который онъ видитъ, есть жизнь и даетъ жизнь тому, кто его видитъ; умъ видитъ себя совершенно объединеннымъ съ симъ свѣтомъ и трезвенно бодрствуетъ; сознаетъ онъ, что свѣтъ сей внутри души его, и изумляется; изумляясь же, видитъ его, какъ бы онъ былъ вдали отъ него; потомъ, пришедши въ себя, опять находитъ свѣтъ сей внутри; и такимъ образомъ не находитъ ни словъ, ни мыслей, что сказать и что подумать о свѣтѣ томъ, имъ видимомъ“ ⁶⁾. Конечно, это только *временныя* состоянія благочестивой души; иногда такіе просвѣщенные люди „разумѣніемъ, божественною мудростію и неизслѣдимымъ вѣдѣніемъ Духа по благодати Христовой умудряются въ томъ, чего никакимъ языкомъ невозможно изречь; а бываетъ время, что увидишь ихъ ничѣмъ неотличающимися по видимости отъ каждаго изъ людей; такъ божественной бла-

¹⁾ Св. Исаака Сиріянина слова подвижническія, стр. 481; ср. 319.

²⁾ Преп. Макарія Египетскаго бесѣды, посланіе и слова, стр. 87, 92, 93, 104, 106, 553, 597, 599. Слова преп. Симеона новаго Богослова, вып. 1, стр. 157.

³⁾ Преп. Макарія Египетскаго бесѣды, посланіе и слова, стр. 598.

⁴⁾ Слова преп. Симеона новаго Богослова, вып. 1, стр. 157.

⁵⁾ Преп. Макарія Египетскаго бесѣды, посланіе и слова, стр. 211, 323, 535, 550—551.

⁶⁾ Слова преп. Симеона новаго Богослова, вып. 1, стр. 157.

годати, многоразлично въ нихъ измѣняющейся и уразно-
ображивающей себя, угодно бываетъ какъ бы воспитывать
и упражнять душу, чтобы совершенною и непорочною и
самою чистою представить ее небесному Духу“¹⁾; если-
бы благодать иногда „не начинала дѣйствовать слабѣ,
еслибы откровеніе челоѣку чудесъ и опытное извѣдыва-
ніе ихъ продолжалось всегда, то невозможно было бы при-
нять челоѣку на себя домостроительство и бремя слова, не
могъ бы онъ ни слышать, ни говорить о чемъ либо, или не
взялъ бы на себя попеченія о чемъ нибудь, даже на самое
краткое время, а лежалъ бы только, повергшись въ одномъ
углу, объемлясь восторгомъ, ларя выспрь и упоеваясь“²⁾.
Бываютъ иногда откровенія и во снѣ: „чѣмъ душа занята и
о чемъ разглагольствуетъ наяву, о томъ мечтаетъ или фи-
лософствуетъ она и во снѣ; или проведши весь день въ за-
ботахъ о дѣлахъ челоѣческихъ, о нихъ же суетится она и
въ сновидѣніяхъ, или поучавшись все время въ вещахъ бо-
жественныхъ и небесныхъ, въ видѣніе ихъ входитъ и во
время сна и умудряется видѣніями; и не прельщается лож-
ными сновидѣніями, но сновидитъ истинное и поучается
откровеніями“. Впрочемъ „у тѣхъ только бываютъ истин-
ныя во снѣ видѣнія (ихъ не слѣдуетъ называть снами, а
видѣніями),—которыхъ умъ благодатию Святаго Духа сдѣ-
лался простъ и свободенъ отъ всякаго давленія со стороны
страстей и отъ рабства имъ,—у которыхъ вся забота и по-
печеніе о божественномъ и все помышленіе о будущихъ

¹⁾ Преп. Макарія Египетскаго бесѣды, посланіе и слова, стр. 550.
См. характерное мѣсто въ Словахъ преп. Симеона новаго Богослова: „Богъ
видимъ бываетъ и скрывается каждый часъ, и днемъ и ночью, удаляетъ
ся и приходитъ, исчезаетъ и внезапно опять является,—чтобы прогнать
душевую тьму, разсѣять покрывающій челоѣка облакъ, очистить зѣницу
умныхъ очей его, открыть душевный слухъ его, снять покрывало не-
чувствія съ сердца его и совѣмъ изгнать изъ него всякую страсть“ (вып.
2, стр. 488).

²⁾ Преп. Макарія Египетскаго бесѣды, посланіе и слова, стр. 553; ср.
Св. Исаака Сиріянина слова подвижническія, стр. 479.

наградахъ и воздаяніяхъ,—которыхъ жизнь выше жизни живущихъ, безпечительна, неразвлеченна, тиха, чиста, исполнена милости, мудрости, небеснаго вѣдѣнія и другихъ плодовъ благихъ, воздѣлываемыхъ въ нихъ Духомъ Святымъ; у тѣхъ же, кои не таковы, сны ложны и безпорядочны и все въ нихъ обманъ и прелесть явная¹⁾. Еще вопросъ: почему однимъ подвижникамъ Богъ посылаетъ откровенія и видѣнія, а другіе, хотя и подвизаются больше первыхъ, не удостоиваются того же. Отвѣтъ на это преп. Исаакъ Сиріянскій даетъ слѣдующій: „причинъ сему много; одни изъ нихъ домостроительственныя, имѣютъ цѣлю общую пользу, другія же—утѣшеніе, ободреніе и наученіе немощныхъ; все сіе устрояется по милости Божіей къ людямъ; большею же частію устрояется сіе ради троякаго рода людей,—или ради людей простыхъ и крайне незлобныхъ, или ради нѣкоторыхъ совершенныхъ и святыхъ, или ради тѣхъ, которые имѣютъ пламенную ревность Божію, отреклись и совершенно отрѣшились отъ міра, удалились отъ сожителства съ людьми, оставивъ все, не ожидая никакой помощи отъ видимаго, пошли во слѣдъ Богу; на нихъ-то нападаетъ боязнь по исключительности ихъ состоянія или окружаетъ ихъ опасность смертная отъ холода, отъ болѣзни или отъ какого нибудь обстоятельства и отъ скорби, такъ что приближаются они къ отчаянію. Посему, если таковымъ бывають утѣшенія, а тѣмъ, которые превосходятъ ихъ трудами, не бываетъ, то первая сему причина—непорочность и порочность, и именно совѣсти; вторая же причина непременно есть слѣдующая: какъ скоро имѣетъ кто человѣческое утѣшеніе или утѣшеніе чѣмъ-либо видимымъ, то не бываетъ ему подобныхъ утѣшеній, развѣ по нѣкоему домостроительству, ради общей пользы; одинъ изъ отцовъ молился объ утѣшеніи и услышалъ: достаточно для

¹⁾ Слова преп. Симеона новаго Богослова, вып. 2, стр. 566—567.

тебя утѣшенія человѣческаго и бесѣды съ людьми; другой нѣкто, когда былъ въ отшельничествѣ и велъ жизнь отшельническую, ежечасно услаждался благодатнымъ утѣшеніемъ; а когда сблизился съ міромъ, искалъ по обычаю утѣшенія и не находилъ и сталъ просить Бога открыть ему причину, говоря: не ради ли епископства, Господи, отступила отъ меня благодать? И ему сказано: нѣтъ, не по этому, но потому, что Богъ промышляетъ о живущихъ въ пустынѣ и ихъ удостаиваетъ такихъ утѣшеній. Ибо невозможно, чтобы кто либо изъ людей имѣлъ видимое утѣшеніе, а вмѣстѣ пріялъ и благодатное, развѣ по какому нибудь упомянутому выше сокровенному домостроительству, которое извѣстно въ подобныхъ случаяхъ одному Домостроительствующему“ ¹⁾.

Кто хочетъ творить волю пославшаго Меня, говорить Христосъ Спаситель, тотъ узнаетъ о семъ ученіи, отъ Бога ли оно ²⁾: вотъ чрезвычайно рельефное указаніе на то, какую силу имѣетъ религіозный опытъ въ дѣлѣ исслѣдованія и апологіи христіанства; только тотъ, кто творитъ волю Божию и получаетъ откровенія отъ Господа, только тотъ и способенъ понять всю силу и значеніе этихъ словъ Христовыхъ,—только онъ и узнаетъ, отъ Бога ли слова Христовы,—узнаетъ, потому что переживаетъ внутри себя, перечувствуетъ и своимъ собственнымъ чутьемъ убѣдится. И это убѣжденіе, это опытное знаніе, это ощущеніе въ себѣ Бога должно быть чрезвычайно достовѣрнымъ, чрезвычайно могущественнымъ для сознанія человѣческаго. Обладающій имъ „столько же отличенъ отъ людей разумнѣемъ, вѣдѣнѣемъ и разсудительностію, сколько разумный

¹⁾ Св. Исаака Сирійскаго слова подвижническія, стр. 117—118.

²⁾ Іоан. 7, 17.

пастырь отличается отъ безсловесныхъ овецъ; потому что причастенъ онъ иного Духа, иного ума, иного разумѣнія и иной мудрости, отличной отъ мудрости міра сего; онъ доходить до видѣнія и мудрости, до чего не достигаютъ сильные, или мудрые, или витіи, и они не могутъ постигнуть или познать тонкость ума его, потому что занятъ онъ божественными тайнами. Онъ превосходитъ всѣхъ людей, и вотъ явное на то доказательство: кто изъ людей сильныхъ или мудрыхъ или благоразумныхъ, пребывая еще на землѣ, восходитъ на небо и тамъ совершалъ дѣла духовныя, созерцалъ дѣпоты Духа? А теперь какойнибудь по наружности нищій, нищій до крайности, и уничиженный, и даже вовсе незнаемый сосѣдями, повергается ницъ лицомъ своимъ предъ Господомъ и, путеводимый Духомъ, восходитъ на небо и съ несомнѣнною увѣренностію въ душѣ своей наслаждается тамошними чудесами, тамъ дѣйствуетъ, тамъ имѣетъ житіе. Онъ-то поистинѣ есть человѣкъ мудрый и сильный; онъ-то человѣкъ благородный и благоразумный. Бываетъ же и то, что лной невѣжда разумомъ возрождается духовно, преобразуется въ мудраго и извѣстными дѣлаются ему сокровенныя тайны, а по естеству онъ невѣжда. Посему-то таковой во всемъ отличенъ отъ всѣхъ людей, имѣющихъ духъ міра, и разумныхъ, и мудрыхъ; онъ знаетъ о каждомъ, откуда взятое говорить онъ, на чемъ остановился и гдѣ, на какой ступени находится; его же познать и о немъ судить нѣтъ возможности никому изъ имѣющихъ духъ міра; ибо если трудно для человѣка знать съ точностію внутреннее человѣка, какъ человѣка, то какъ возможно ему познать, что есть въ комъ божеское, т. е. тѣ измѣненія и состоянія, какія бываютъ во святыхъ подъ дѣйствіемъ созерцанія Бога? Это можетъ только тотъ, въ комъ есть подобный Духъ Божества¹⁾. Какъ видно, это духовное

¹⁾ Преп. Макарія Египетскаго бесѣды, посланіе и слова, стр. 564—565, 152, 251, 560; ср. 99, 210. Слова преп. Симеона новаго Богослова, вып. 2, стр. 115.

созерцаніе есть такая полнота знанія, такое могущество вѣдѣнія, вѣдѣнія духовнаго міра, такое опытное, наглядное, реальное знаніе духовныхъ вещей, такое увлекательное, захватывающее вѣдѣніе человѣкомъ того, что ближе всего къ его разумному духовному существу, что у обладающаго имъ, по словамъ преосвящ. Теофана затворника ¹⁾, невольно возникаетъ даже вопросъ: что дѣйствительнѣе—міръ духовный (близкій къ намъ, какъ разумно-свободнымъ существамъ) или вещественный (познаніе о которомъ мы воспринимаемъ только посредственно, посредствомъ органовъ вышнихъ чувствъ)? ²⁾ И послѣ ощущенія въ себѣ Божества, послѣ внутренняго переживанія, перечувствованія, послѣ опытнаго убѣжденія въ истинности религіозныхъ данныхъ, „искать боговѣдѣнія лишь въ книгахъ и писаніяхъ—это, по выраженію блаж. Августина, значить искать живого между мертвыми; ищи Бога, прибавляетъ блаженный отецъ въ себѣ самомъ: Онъ лучше всего познается духовнымъ осязаніемъ“. И отцы церкви призываютъ именно къ этому внутреннему, сердечному, а не разсудочному только, богопознанію: „научаетъ насъ, говоритъ блаж. Августинъ, внутренній учитель, научаетъ Христосъ, божественное вдохновеніе; гдѣ нѣтъ этого вдохновенія и внутренняго просвѣщенія, тамъ тщетно дѣйствіе словъ извнѣ“. Къ этому же призывалъ св. Симеонъ благоговѣйникъ, подвижникъ обители Студійской: „стижи Бога, говоритъ этотъ блаженный мужъ, и не будешь имѣть нужды въ княгахъ“. „Это послѣднее

¹⁾ Письма о духовной жизни, стр. 121.

²⁾ „Дивно, говоритъ преосв. Теофанъ, а такъ оно есть. Для людей духовныхъ значеніе всего вещественнаго исчезаетъ; какъ ни огромнъ этотъ міръ, но и онъ создается ничтожнымъ; у нихъ сущимъ исповѣдуется только Богъ—Сынъ, великій и дивный; всего прочаго словно нѣтъ. У людей плотской жизни наоборотъ: міръ духовный будто не существуетъ, даже бытіе Бога вѣрѣдко стоитъ у нихъ вопросомъ“ (Письма о духовной жизни, стр. 121).

онъ и дѣломъ показалъ, ибо цѣлую книгу составилъ своими трудами или, лучше сказать, благодатію Св. Духа, обитавшею въ немъ, несмотря на то, что не проходилъ наукъ¹⁾. Это все и понятно: психологія намъ говоритъ, что въ основѣ всякаго рода чувствованій лежитъ темное, безотчетное влеченіе; чтобы извѣстное чувствованіе стало яснымъ, опредѣленнымъ, нужно, чтобы человѣкъ испытывалъ прямое *воздѣйствіе* со стороны какого либо предмета, и далѣе—чтобы это воздѣйствіе образовало въ душѣ человѣка *представленіе* объ этомъ предметѣ; такъ и религіозное чувство: человѣку несомнѣнно прирождено смутное влеченіе къ Божеству; чтобы это влеченіе стало опредѣленнымъ, яснымъ, сильнымъ, нужно, чтобы Богъ *воздѣйствовалъ* на человѣка, чтобы Богъ далъ ему *представленіе* о Себѣ, чтобы Онъ открылся ему; безъ этого воздѣйствія Божества у человѣка все будетъ смутно, сомнительно. Познавать Бога изъ книгъ, даже изъ богодухновенныхъ книгъ, изъ Свящ. Писанія—это есть познаніе только умомъ, а не всѣми силами души человѣческой; это—познаніе внѣшнее, посредственное, а не опытное, внутреннее и непосредственное, не воспріятіе своими же силами; познавать Бога изъ книгъ—такое познаніе по своему характеру равно историческому знанію о прошломъ, т. е. о томъ, чего мы сами не видѣли и о чемъ только вѣримъ другимъ. Это—низшая, начальная ступень религіознаго вѣдѣнія. „Плотскіе люди,—говоритъ преп. Симеонъ новый Богословъ,—видя, не видятъ, и слыша о божественныхъ вещахъ, не разумѣютъ того и не могутъ вмѣстить духовнаго, потому что оно кажется имъ буйствомъ“²⁾. „Никто да не прельщаетъ насъ суетными и обманчивыми словами, говоря, что можно познать божественныя тайны

¹⁾ Слова преп. Симеона новаго Богослова, вып. 2, стр. 351.

²⁾ Ibid., стр. 365.

вѣры нашей безъ наученія и просвѣщенія Св. Духа“¹⁾. „Какъ невозможно рыбѣ жить безъ воды, или человѣку ходить безъ ногъ, или видѣть свѣтъ безъ глазъ, или говорить безъ языка, или слышать безъ ушей, такъ безъ Господа Иисуса и безъ дѣйствія Божіей силы невозможно познать тайны и премудрость Божію“²⁾. Кто говоритъ, что „знаетъ божественное посредствомъ одного лжеименнаго разума и безъ благодати Св. Духа, испытующаго глубины и тайны Бога,—кто не позналъ и не испыталъ того дѣломъ, тотъ только съ самоувѣренностію хвалится своимъ знаніемъ“³⁾: такой человѣкъ, „не видя, думаетъ, что видитъ, и не слыша внятно, думаетъ, что слышитъ, и не понимая читаемаго, воображаетъ, что понимаетъ, неразумный; почиталъ себя мудрымъ, онъ воистину сдѣлался безумнымъ какъ бы изъ ума выпедшимъ, и проводить, бѣдный, дни жизни своей, не зная, какъ должно, ни одной изъ тайнъ Христовыхъ“⁴⁾. „Ни тѣ, которые учатъ, не испытавъ дѣломъ, о мысленныхъ и божественныхъ вещахъ, не могутъ дать явныхъ доказательствъ и поясненій примѣрами и представить истину въ практическихъ примѣненіяхъ, ни тѣ, которые слушаютъ, не могутъ отъ однихъ только словъ понять, что имъ говорятъ“⁵⁾; „ибо какъ можно то, что сокрыто и запечатано,—что незримо и недовѣдомо для всѣхъ людей и что открывается только Духомъ Святымъ и только такимъ образомъ будучи открываемо узрѣвается и познается нами,—какъ можно постигнуть это или познать посредствомъ ученія (научно), или даже помыслить о томъ—тѣмъ

¹⁾ Ibid, стр. 343.

²⁾ Преп. Макарія Египетскаго бесѣды, посланіе и слова. стр. 198—199; ср. 539.

³⁾ Слова преп. Симеона новаго Богослова, вып. 2, стр. 331; вып. 1 стр. 411.

⁴⁾ Ibid., вып. 2, стр. 87.

⁵⁾ Ibid., стр. 136.

которые сами о себѣ говорятъ, что ни разу не ощутили присутствія Духа Святаго и не знаютъ, что такое есть просвѣщеніе или осіяніе Его, коими свидѣтельствуется обитаніе Его въ насъ?¹⁾ „Передать дѣло словомъ простымъ всякому по силамъ и удобно; такъ, всякому легко сказать, что хлѣбъ приготовленъ изъ пшеницы, но, чтобы подробно описать его приготовленіе, не у всякаго доста нетъ знанія и могутъ сдѣлать сіе только люди опытные; подобно сему сказать просто о безстрастіи и совершенствѣ нетрудно и удобно, но дознать дѣло опытомъ значить то же, что самымъ дѣломъ и на самой истинѣ постигнуть, какъ пріобрѣтается совершенство. Тѣ же, которые предлагаютъ ученіе о духовномъ, не вкусивъ и не извѣдавъ опытомъ, подобны человѣку, который лѣтомъ, во время самага полдня, идетъ по пустынной и безводной равнинѣ, потомъ, при сильной и палящей жаждѣ, представляетъ въ умѣ своемъ, что близъ него находится прохладный источникъ съ сладкою и прозрачною водою, и воображаетъ, что онъ безъ всякаго препятствія наслаждается водою въ сытость, тогда какъ засохли у него уста и языкъ отъ палящей ихъ жажды; или подобны человѣку, который не вкушалъ и капли меда, но пытается объяснить другимъ, какова его сладость. Если Богъ дастъ имъ получить хотя малое сознаніе о томъ, о чемъ разсуждаютъ они, то безъ сомнѣнія узнаютъ, что истина и самое дѣло несходны съ ихъ толкованіемъ, но весьма много отличны“²⁾. Напротивъ, „надлежитъ со многими болѣзнями и трудами подвизаться придти въ состояніе созерцанія тѣхъ невидимыхъ вещей и научиться понимать ихъ изъ дѣяній и опытовъ; тогда изъ такихъ опытовъ научимся мы и просвѣщены будемъ и относительно словесъ

¹⁾ Ibid, выш. i, стр. 411

²⁾ Преп. Макарія Египетскаго бесѣды, посланіе и слова, стр. 54¹⁾—54²⁾, 199—200

о сихъ благахъ“¹⁾. Разумѣется, и книжное, научное религіозное вѣдѣніе даетъ объективный устой нашей вѣрѣ, наполняетъ насъ знаніемъ о предметахъ нашей вѣры. Но въ каждой вещи есть двѣ стороны—внѣшняя и внутренняя; въ религіи, какъ *жизни* человѣка въ Богѣ, эта внутренняя сторона особенно важна: одна внѣшность, одно знаніе не есть религія. Только внутренний религіозный опытъ можетъ дать полноту, глубину, внутреннюю силу и живость нашей религіозной вѣрѣ и религіозному знанію. „Откровеніе тайнъ, говоритъ преп. Исаакъ Сирійнинъ, это истинное вѣдѣніе“²⁾. Только „тѣ—истинные мудрецы, замѣчаетъ и преп. Макарій Великій, которые по внутреннему человѣку водятся и управляются Божіею силою; философы учатся владѣть словомъ; но есть другіе философы, которые невѣжды въ словѣ, но усовершенствуются божественнымъ вѣдѣніемъ, и это—мужи богочестивые“³⁾. Только они могутъ „любомудрствовать о Богѣ“, такъ какъ это дѣло дается „не всякому и приобретається не дешево и не пресмыкающимися по землѣ“⁴⁾; только они могутъ „познавать высокія истины, догматы вѣры нашей“⁵⁾; только они могутъ быть „богословами и сами собою постигать догмагъ о Троицѣ“⁶⁾; только тотъ, кто получаетъ „познаніе тайнъ Божіихъ“, можетъ „браться говорить о божескихъ и человѣческихъ дѣлахъ“ такъ, чтобы „всѣ ощутили силу словесъ его“⁷⁾, потому что все божественное „неизреченно духовно и непркосновенно для плотскихъ очей, но дѣлается понятнымъ для души вѣрной и святой: и самое общеніе Святаго Духа,

¹⁾ Слова преп. Симеона новаго Богослова, вып. 2, стр. 136.

²⁾ Св. Исаака Сирійнина слова подвижническія, стр. 184.

³⁾ Преп. Макарія Египетскаго бесѣды, посланіе и слова, стр. 199.

⁴⁾ Творенія св. Григорія Богослова, ч. 3, М. 1844, стр. 7.

⁵⁾ Творенія св. Іоанна Златоуста, т. 10, кн. 1, стр. 77.

⁶⁾ Преп. Іоанна Лѣтвичника Лѣтвица, М. 1851, стр. 369.

⁷⁾ Слова преп. Симеона новаго Богослова, вып. 2, стр. 86.

и небесныя сокровища, и лики и празднества св. ангеловъ бывають видимы тому только, кто испыталъ сіе, а непосвященному совершенно невозможно и въ умѣ того представить“ ¹⁾. Поэтому „сознательно имѣющій въ себѣ дающаго вѣдѣніе человѣкамъ Бога, все прошелъ святое Писаніе и, какъ плодъ, собралъ всю могущую отъ чтенія его произойти пользу, и не имѣетъ уже нужды въ чтеніи книгъ; ибо какую будетъ имѣть въ себѣ нужду тотъ, кто, стяжавъ собесѣдникомъ себѣ Того, Кто вдохновлялъ писавшихъ Божественныя Писанія, имѣетъ печатлѣемыми въ себѣ отъ Него неизреченности сокровенныхъ тайнъ? Напротивъ, онъ, какъ исполненный божественной благодати, премудръ, хотя бы и не былъ наученъ внѣшней мудрости; получая вѣдѣніе отъ дѣланія и опыта, стяжалъ онъ точнѣйшее познаніе духовныхъ вещей; онъ самъ будетъ для другихъ вдохновенною книгою, носящею новыя и древнія тайны, написанныя перстомъ Божиимъ въ немъ, какъ совершившемъ все и почившемъ въ Богѣ отъ всѣхъ дѣлъ своихъ, что есть верхъ совершенства“ ²⁾; „отъ него исходитъ слово вѣдѣнія и премудрости Божіей и потопляетъ мудрованія противныхъ враговъ, какъ какая нибудь многоводная рѣка“ ³⁾; онъ „походитъ на человѣка, который проводитъ время въ царскихъ палатахъ, въ свѣтломъ царскомъ уборѣ, всегда находится

¹⁾ Преп. Макарія Египетскаго бесѣды, посланіе и слова, стр. 556—557. Даже и „молиться съ разумнымъ сознаніемъ никакъ невозможно, не сдѣлавшись причастникомъ Духа Святаго; если кто не содружится съ Богомъ чрезъ Господа Іисуса Христа во Святомъ Духѣ, то душа его не можетъ молиться съ разумнымъ сознаніемъ, какъ сказалъ одинъ изъ великихъ отцевъ: то, силою чего мы молимся, какъ должно, есть Духъ Святыи; итакъ, кто думаетъ, что молится настоящимъ образомъ безъ Духа Святаго, тотъ и прославляя Бога пѣснопловно, тоже что хулить Его, поскольку нечистъ и не содружился еще съ Богомъ“ (Слова преп. Симеона новаго Богослова, вып. 2, стр. 568). Ср. Рим. 8, 26; 1 Кор. 12, 3.

²⁾ Слова преп. Симеона новаго Богослова, вып. 2, стр. 551, 32.

³⁾ Ibid., стр. 87

близъ царя, бесѣдуетъ съ нимъ и отъ него самого слышитъ ясно повелѣнія его и все, чего онъ хочетъ“ ¹⁾).

III.

Какія же тайны Божіи возможно знать по откровенію отъ Бога? Какія истины вѣры нашей возможно пережить въ себѣ, перечувствовать, извѣдать внутреннимъ своимъ религіознымъ опытомъ? Нельзя, конечно, установить какую нибудь одну общую порму для всѣхъ: откровеніе тайнъ—это дѣло Божіе, а сообщается оно людямъ въ зависимости отъ ихъ собственнаго нравственнаго состоянія; вѣдь и въ обыденныхъ вещахъ чѣмъ чище органы нашихъ чувствъ, тѣмъ лучше воспринимаютъ они впечатлѣнія отъ внѣшняго міра; такъ и въ духовномъ созерцаніи: чѣмъ чище наша душа, тѣмъ больше она и видитъ, и слышитъ, и обоняетъ духовныхъ вещей ²⁾. „Если въ видимомъ, говоритъ преп. Макарій Великій, столько степеней преспѣнія, то кольми паче небесныя тайны допускаютъ преспѣваніе и возрастаютъ многими степенями? Здѣсь соблюдается послѣдовательность; ибо Божественная Троица вселяется въ душѣ, которая, при, содѣйствіи божественной благодати, блюдетъ себя чистою вселяется же не какъ Она Сама въ Себѣ есть,—потому что невмѣстима для всякой твари,—но по мѣрѣ способности и удобопріемлемости человѣка. Какъ же скоро человѣкъ уклонится сколько нибудь отъ жизни согласной съ волею Божіею и оскорбитъ Божественнаго Духа,—умъ его извергается и отлучается отъ духовнаго веселія, потому что умалются въ немъ Божественная благодать и любовь, и всякое благое дѣйствіе Духа, самъ же онъ предается скорбямъ, искушеніямъ и лукавымъ духамъ, пока душа не начнетъ опять ходить право, въ благоугожденіе Духу. Потомъ, пока-

¹⁾ Ibid., стр. 553.

²⁾ Ср. Св. Исаака Сиріянина слова подвижническія, стр. 320.

завъ свое покаяніе во всякомъ исповѣданіи и смиреніи, снова сподобляется наконецъ благодатнаго посѣщенія, въ большей, нежели прежде, мѣрѣ воспріимлетъ небесное веселіе. Если же душа ничѣмъ не оскорбитъ Духа, но будетъ жить благоугодно, противоборствуя всякимъ лукавымъ помысламъ и постоянно прилѣпляясь ко Господу, то таковая душа по справедливости и соразмѣрно съ симъ преуслаивается, сподобляется несказанныхъ даровъ, представляется отъ славы въ славу, отъ одного упокоенія къ упокоенію совершеннѣйшему¹⁾. Во всякомъ случаѣ содержаніе внутренняго религіознаго опыта должно быть широкимъ: имъ *все* чело-вѣкъ долженъ познать — Бога, какъ Творца, Бога, какъ Спасителя, Бога, какъ Освятителя, Бога, какъ Промысли-теля каждаго отдѣльнаго чело-вѣка и всего чело-вѣческаго рода. И естественно, что познаніе это, переживаніе всѣхъ религіозныхъ истинъ въ своемъ собственномъ внутреннемъ опытѣ должно имѣть чрезвычайную важность для чело-вѣка. Правда, „о божескихъ вещахъ писано въ книгахъ Писанія и всѣ о томъ читаютъ“²⁾, — „въ откровеніи Божіемъ передано намъ вполне достаточно о Богѣ, божественномъ порядкѣ вещей и о всемъ нужномъ для нашего спасенія; другихъ откровеній ожидать не слѣдуетъ, онѣ и не даются“³⁾. Но дѣло въ томъ, что читать Св. Писаніе можно различно: иной читаетъ его просто, слегка, другой вдумывается и уразумѣваетъ Писаніе гораздо глубже; а это не все равно: вѣдь въ Св. Писаніи содержатся истины *религіозныя*, имѣющія для чело-вѣка существенную и исключительную важность, — значить, и пониманіе и использованіе ихъ для нравственной жизни чело-вѣка всегда должно быть какъ

¹⁾ Преп. Макарія Египетскаго бесѣды, посланіе и слова, стр. 170—171, 568—569.

²⁾ Слова преп. Симеона поваго Богослова, вып. 2, стр. 86.

³⁾ Еп. *Геофанъ*. Письма о духовной жизни, стр. 76.

можно болѣе глубокимъ и всестороннимъ. А затѣмъ позволено предложить вопросъ, какъ же это понимать и уразумѣвать Св. Писаніе, чтобы надлежаще и пользоваться имъ. Вопросъ вовсе не праздный. Знаемъ мы, напр., что Евангеліе въ общемъ ясно и просто; но не обращаетъ ли на себя вниманіе слѣдующій фактъ: апостолы изъ устъ Христа Спасителя слышали то же, что мы теперь читаемъ въ Евангеліи,—и однако они, ближайшіе ученики Іисуса Христа, долгое время не понимали Его, и только послѣ сошествія Св. Духа на нихъ все дѣло Спасителя міра, все ученіе Его стало ясно для нихъ и произвело совершенный переворотъ въ ихъ сердцахъ и мысли. Отчего это? Или, напр., всегда намъ говорятъ, что толковать Писаніе нельзя по своему, что объяснять свящ. книги нужно въ духѣ толкованія св. отецъ, въ духѣ пониманія ихъ св. церковію. Почему это? А потому, что Св. Писанія нельзя ни понимать, ни даже помнить безъ Св. Духа, и сами отцы церкви толковали его такъ, какъ научали ихъ всѣхъ единый обитающій въ нихъ Духъ Святый. „Учащійся,—говоритъ преп. Симеонъ новый Богословъ,—если не удерживаетъ въ умѣ своемъ и не помнитъ того, чему научаютъ его, никакой не получаетъ пользы отъ ученія; знающій грамоту и читающій, если не понимаетъ читаемаго, есть то же, что неграмотный; читающій и понимающій, если не можетъ удерживать въ умѣ своемъ того, что вычиталъ и понялъ, никакой не получаетъ пользы отъ чтенія. Въ отношеніи же къ божественному Писанію, то, чтобы читать оное, въ нашей состоитъ власти, а то, чтобы понимать читаемое, и отъ насъ самихъ зависитъ и не отъ насъ: отъ насъ зависитъ стараніе и вниманіе, какія надлежитъ имѣть при чтеніи; то же, чтобы понимать читаемое, есть дѣло благодати Божіей: только Богъ разверзаетъ умы вѣрныхъ къ постиженію божественныхъ Писаній. Но то, чтобы удерживать въ умѣ и помнить понятое, есть дѣло единой благодати Божіей. Почему не-

много такихъ, которые удерживаютъ сіе въ умѣ, какъ и вообще спасаемыхъ избранниковъ немного. Чтеніе научаетъ человѣка тому, что руководить его къ Богу и дѣлаетъ Божиимъ; а молитва дѣлаетъ то, что Богъ милосердствуетъ къ человѣку и просвѣщаетъ умъ его, чтобы понимать и помнить прочитываемое. То, что написано объ иныхъ мірскихъ дѣлахъ, читающіе могутъ понимать и сами, но вещей божественныхъ и спасительныхъ никому невозможно понять или помнить безъ просвѣщенія отъ Св. Духа¹⁾. »Тѣ, которые не имѣютъ ума Христова,—продолжаетъ преп. Симеонъ,—(а умомъ Христовымъ я называю Духъ Христовъ, т. е. благодать всесвятаго Духа, просвѣщающую и подающую духовное божественное вѣдѣніе), таковыя извращаютъ и вкривъ перетолковываютъ все божественное Писаніе по похотямъ своимъ и нѣкоторымъ образомъ растлѣваютъ его страстями своими, хотя присемъ не божественное Писаніе растлѣвается, а растлѣваются они сами—кривотолкователи его. Итакъ эти не имѣющіе праваго сужденія о вещахъ, но омраченные страстями и по гордости не принимающіе наставленія отъ другихъ, какъ возможно, скажи мнѣ, чтобы они сами собою постигли и уразумѣли божественное и духовное? Какъ слѣпой и невидящій свѣта солнечнаго не можетъ читать письменъ, свѣтомъ освѣщенныхъ, такъ и тотъ, кто слѣпъ умомъ и не имѣетъ ума Христова, никакъ не можетъ понять и уразумѣть вещей, кои суть во свѣтѣ²⁾ Христовомъ, и хоть бы онъ тѣмъ разъ перечитывалъ написанное о нихъ въ божественныхъ Писаніяхъ, невозможно, чтобы онъ усмотрѣлъ что нибудь и что либо понялъ въ духовномъ, невещественномъ и свѣтовомъ, будучи самъ овеществленъ и омраченъ“²⁾. „Какъ тотъ, кто взялъ бы въ руки книгу

¹⁾ Слова преп. Симеона новаго Богослова, вып. 1, стр. 66—67; вып. 2, стр. 87.

²⁾ Ibid., вып. 1, стр. 207—208.

закрытую и запечатанную, не можетъ увидѣть или узнать, что въ ней написано, хотя бы обладалъ всею мудростію міра, такъ и тотъ, у кого все божественное Писаніе въ устахъ, не можетъ понять и постигнуть таинственную и божественную славу и сялу, сокрытую въ немъ, если не будетъ исполнять заповѣдей Божіихъ и не сподобится получить Утѣшителя, Духа истины, Который бы раскрылъ предъ нимъ слова божественнаго Писанія, какъ книгу, и показалъ ему таинственно славу, которая внутри ихъ¹⁾ „Пока солнце еще не возсіяло и тьма покрываетъ землю, кто можетъ видѣть хорошо вещи? И тотъ, кто прошелъ грамматику, риторику и философію и обогатился познаніемъ всего сущаго, не можетъ безъ свѣта прочитывать книгъ, въ которыхъ содержатся такіа ученія, а новоначальный, который только приступилъ къ такому ученію, что можетъ увидѣть безъ свѣта или чему можетъ научиться? Ничему. Такимъ же образомъ и душѣ всякой потребенъ сокровенный свѣтъ божественнаго вѣдѣнія, да видитъ и познаетъ и постигаетъ силу и значеніе божественныхъ словесъ писаномскихъ; ибо сей сокровенный свѣтъ божественнаго вѣдѣнія есть нѣкая мысленная сила—властная, которая окружаетъ и собираетъ подвижной умъ, отбѣгающій обычно туда и сюда, въ то время, когда слушаетъ или читаетъ божественныя оныя словеса, и держитъ его въ себѣ, да внимаетъ тому, что читаетъ или слушаетъ. Если же не войдетъ въ кого сей божественный свѣтъ, то онъ устами будетъ произносить или читать молитву, и ушами слушать, а умъ его будетъ оставаться безплоднымъ; и не только это, но онъ не будетъ стоять на одномъ, а будетъ кружиться тамъ и сямъ и помышлять о томъ, о чемъ не подобаетъ“²⁾. Только тотъ, кто „стяжалъ божественную благодать, имѣя умъ свой здравымъ

¹⁾ Ibid., стр. 412.

²⁾ Ibid., стр. 74—75.

и совершеннымъ, ясно созерцаетъ и разумѣетъ всѣ чудеса отъ закона Божія, такъ какъ открылись очи его благодатию Христовою“ ¹⁾. „Для изслѣдованія и истиннаго уразумѣнія сказаннаго въ Писаніи,—говоритъ и св. Афанасій Великій,—потребны хорошая жизнь, чистая душа и хриstopодражательная добродѣтель“, — т. е. условія, необходимыя для вселенія въ человѣка Духа Божія,—„чтобы умъ, преуспѣвъ въ этомъ, былъ въ состояніи достигнуть желаемаго и пріобрѣтать оное, въ какой только мѣрѣ естеству человѣческому возможно познаніе о Божіемъ словѣ. Кто ~~желаетъ~~ видитъ солнечный свѣтъ, тотъ безъ сомнѣнія протретъ и яснымъ сдѣлаетъ глазъ свой, доведя себя почти до одинаковой чистоты съ тѣмъ, что желаетъ видѣть, чтобы такимъ образомъ глазъ самъ сталъ свѣтомъ и увидѣлъ солнечный свѣтъ; такъ и желающему постигнуть мысль богослововъ должно предпочистить и убѣлять душу жизнію и уподобленіемъ въ дѣлахъ святымъ приблизиться къ нимъ, чтобы, ведя одинаковый съ ними образъ жизни, уразумѣвать и открываемое Богомъ“ ²⁾. „Когда вселится въ человѣка Богъ и откроетъ ему Себя завѣдомо (знательно, осязательно), тогда и человѣкъ прозритъ къ вѣдѣнію, т. е. уразумѣетъ дѣйственно тѣ божественныя таинства, которыя сокрыты въ божественныхъ Писаніяхъ. Слова непостигаемыя вѣдѣніемъ дѣлаются понятными для него при помощи вѣры и вѣдѣніе о нихъ получаетъ онъ въ созерцаніи, какое бываетъ по очищеніи. Другимъ же какимъ либо способомъ достигнуть сего (вѣдѣнія) невозможно; и пусть никто себя не обманываетъ, думая, что открылъ иначе какъ этотъ сунду-

¹⁾ Ibid., стр. 134.

²⁾ Творенія св. отецъ, т. XVII. Творенія св. Афанасія Александрійскаго, ч. I, стр. 160—161. *Безъ и древнее изреченіе подобнаго рода: oratio, meditatio, tentatio faciunt theologum* (т. е. молитва, упражненіе, испытываніе себя дѣлаютъ богословомъ).

чекъ вѣдѣнія и вкусилъ благъ, кои внятри его, т. е. достигъ причастія ихъ и созерцанія ихъ“¹⁾. Какія же это „божественныя таинства сокрыты въ божественныхъ Писаніяхъ“? Напрасно было бы думать, что преп. Симеонъ разумѣетъ подъ ними какой нибудь таинственный, аллегорическій смыслъ свящ. книгъ: „буквальный смыслъ, говоритъ преосвящ. Теофанъ затворникъ, есть истинный смыслъ, отъ Духа Святаго исходящій, и отступать отъ него при изученіи Откровенія позволяется только въ крайней нуждѣ; если отступить отъ этого закона, то можно извратить все Божественное Писаніе по своему смышленію и не останется у насъ никакого критерія истины. Что же даетъ озареніе свыше? Оно даетъ не новое что либо узрѣть помимо буквального смысла, а тотъ же самый смыслъ, печатлѣя его въ сердцѣ. Пока одинъ умъ трудится надъ уразумѣніемъ Писанія, до тѣхъ поръ получаемаы истины держатся въ головѣ для умовыхъ интересовъ, большею частію безплодно для жизни; озареніе же свыше, печатлѣя эти истины въ сердцѣ и давая вкусить ихъ, дѣлаетъ ихъ направлятелями жизни“²⁾. Итакъ, мало читать и уразумѣвать истины вѣры нашей только изъ Писанія: это значило бы постигать ихъ только умомъ; между тѣмъ религіозныя истины по характеру своему далеко не всегда могутъ быть совершенно и постигнуты нашимъ умомъ, да не для ума въ сущности онѣ и даются: религія есть дѣло *всей* души, религіозныя истины даны и для воли и для сердца человѣческаго; онѣ должны проникнуть въ душу, освѣтить ее, стать близкими ей, стать *жизнію* души, какъ и сама религія есть жизнь нашей души, живое дѣланіе; вотъ почему важно *пережить* религіозныя истины въ душѣ, почувствовать ихъ, испытать

¹⁾ Слова преп. Симеона новаго Богослова, вып. 1, стр. 410. Св. Исаака Сиріянина слова подвижническія, стр. 324.

²⁾ Еп. *Теофанъ*. Письма о духовной жизни, стр. 128.

ихъ въ глубинѣ своего духовнаго существа. Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы можемъ говорить, напр., что въ религіи бываетъ общеніе, единеніе человѣка съ Богомъ?—чтобы имѣть право утверждать это, нужно опытно ощутить это общеніе въ себѣ, нужно соединиться съ Богомъ,—тогда мы и узнаемъ, что такое по природѣ своей то, что мы называемъ религіей. Иного пути нѣтъ: вѣдь это общеніе, единеніе человѣческаго существа съ Божествомъ не видно для челоѣческихъ глазъ: путемъ обыкновеннаго чувственнаго воспріятія уразумѣть его невозможно; разсуждать о немъ логически абстрактно значить то же, что только умопредставлять, воображать себѣ никогда не видѣнное, никогда не испытанное; всѣ раціоналистическія попытки выяснять существо и природу религіи, какъ бы многочисленны онѣ ни были, исходятъ именно изъ такого отвлеченнаго представленія религіи, изъ желанія уяснить сущность чего-то такого, чего самъ разсуждающій объ этомъ никогда не переживалъ, никогда не испытывалъ, никогда не ощущалъ. А испытай каждый общеніе съ своимъ Творцомъ,—не было бы ни разнообразія и многочисленности такъ называемыхъ теорій о существѣ религіи, не было бы и нравственной чудовищности многихъ изъ нихъ; было бы *одно* опредѣленіе существа религіи, какъ жизни человѣка въ Богѣ, которую каждый понимаетъ, потому что переживаетъ въ себѣ. Какъ мы,—еще возьмемъ примѣръ,—можемъ говорить, что Богъ открываетъ человѣку религіозныя истины, что Богъ снисходитъ къ человѣку, милуетъ его?—нужно въ дѣйствительности получить отъ Бога извѣстное откровеніе или помилованіе, тогда мы и узнаемъ тайну этого воздѣйствія на насъ Творца. Какъ мы можемъ говорить, что извѣстная религія (религія, конечно, христіанская) удовлетворяетъ всѣмъ запросамъ человѣческаго существа?—чтобы искренно и съ убѣжденіемъ говорить это, нужно испытать это удовлетвореніе *на дѣлѣ*, испытать значеніе христіанской религіи

и для ума, и для воли, и для чувства нашего, т. е. перевести религію христіанскую въ нашу жизнь, пережить ее. Тогда это будетъ, по выраженію Оригена, „лучшее и вѣрнѣйшее познаніе Бога,—не то познаніе, которое выработано усиліями разсудка и выпотѣніемъ мозга, а то, которое возгарается отъ небеснаго огня въ сердцахъ нашихъ и вноситъ въ душу божественный свѣтъ, свѣтъ болѣе ясный и убѣдительный, чѣмъ всѣ разсудочныя доказательства“. Здѣсь „происходитъ нѣчто, похожее на откровенія, только не чего либо новаго, а того же, что уже открыто и что уже извѣстно было намъ по уму, а не по опыту; тутъ дается сердцемъ ощутить всѣ божественныя истины, и теоретическія и практическія, составляющія существо христіанства или нашего богообщенія въ Господѣ Іисусѣ Христѣ благодатію Святаго Духа. И прежде онѣ были вѣдомы, но совсѣмъ не такъ, такъ что незнавшимъ ихъ теперь думается, что они получаютъ нѣчто новое. Это похоже на то, какъ, читая путешествіе, напрягаешься вообразить все по описанію и думаешь, что все знаешь; а когда придется взглянуть на все своими глазами, то находишь все совершенно новымъ, словно прежде ничего о томъ и не воображалось. Возьмемъ одну главную мысль. Христіанство, т. е. вѣра въ Господа Іисуса Христа и общеніе съ Нимъ, есть спасеніе или избавленіе насъ отъ рѣшительныхъ золъ, ничѣмъ другимъ неотвратимыхъ; всѣ это исповѣдуютъ, но только исповѣданіе это до времени есть умовое вѣрованіе; когда же вступить кто въ то состояніе, о которомъ рѣчь идетъ, тогда онъ начинаетъ носить въ себѣ чувство спасенія и избавленія; онъ не только вѣруетъ быть спасеннымъ, но чувствуетъ себя спасеннымъ: все одно какъ утопалъ бы кто и принять былъ на спасительную лодку. Когда придетъ это чувство, тогда самая истина спасенія явится въ новомъ свѣтѣ и въ новой силѣ. Какъ эта истина переходитъ въ чувство, такъ и всѣ другія—и большія и малыя—открытія уже и извѣстныя—всѣ входятъ въ сердце и обращаются въ

существо нашего ума и духа; и всякое такое воспріятіе сердцемъ истины отзывается въ сознаніи новымъ откровеніемъ, словно тутъ только она и узнана, является въ новомъ свѣтѣ, прежде невѣдомомъ. Я думаю, всякій испытывалъ, какъ иногда вещь какая нибудь лежитъ предъ глазами и все не видится, а потомъ вдругъ какъ бы входитъ въ глазъ, — глядишь и недоумѣваешь, откуда она взялась. То же совершается и въ духовной жизни: нынѣ одна, завтра другая истина домостроительства нашего спасенія вводится въ сердце и начинаетъ быть чувствуема въ ея истинномъ видѣ, но никакихъ новыхъ особыхъ откровеній не бываетъ. Озареніе свыше, печати религіозныя истины въ сердцахъ и давая вкусить ихъ, дѣлаетъ ихъ направлятелями жизни, а опыты жизни еще полнѣе даютъ уразумѣть силу ихъ; при этомъ, такъ какъ всякая истина имѣетъ свой кругъ понятій, то озареніе вводитъ умъ чрезъ сердце въ созерцаніе всего этого круга; это можетъ казаться откровеніемъ чего-то новаго, а оно вовсе не ново; оно то же самое, только видится полнѣе и яснѣе¹⁾. Отсюда понятно, что иногда и ученый богословъ, какими бы глубокими научными свѣдѣніями онъ ни обладалъ, можетъ быть меньше знакомъ съ тѣмъ, что составляетъ прямой предметъ богословія, — съ высшимъ, горнимъ міромъ и его воздѣйствіями на человѣческую жизнь, — чѣмъ иной простецъ, но съ сильно развитымъ религіознымъ чувствомъ: ученый богословъ только „мыслить“ о Богѣ, только „представляетъ“ себѣ Бога, а живущій истинно-религіозною жизнью *имѣетъ* въ себѣ и видитъ сердцемъ самого Творца, ощущаетъ присутствіе Его и воспринимаетъ воздѣйствія отъ Него; первый можетъ до тонкости изучить всѣ частности богословской науки, а второй по опыту узнаетъ всѣ тайны духовнаго міра; бого-

¹⁾ Еп. *Геофанъ*. Письма о духовной жизни, стр. 77—79, 124, 128.

словъ-раціоналистъ не застрахованъ отъ того, чтобы мысль его не уклонилась иногда въ ошибку и заблужденіе; живу-щій же жизнью въ Богѣ воспринимаетъ только истину, какую получаетъ сердцемъ отъ самого Творца.

Различныя истины находятъ въ кругу христіанскихъ религіозныхъ истинъ: одніѣ, говорятъ, прямо, логически вытекаютъ и обосновываются тѣмъ кругомъ понятій и воззрѣній, среди которыхъ приходится намъ жить; другія можно вывести путемъ логическихъ заключеній; а есть такія религіозныя истины, которыхъ никакими логическими доказательствами обосновать нельзя. Различіе, разумѣется, теоретическое, виѣшнее: религія исходитъ изъ божественнаго откровенія и, значить, не разумъ можетъ имѣть критеріемъ для себя; для религіознаго сознанія вѣтъ и не можетъ быть различія между доказуемымъ для разума и недоказуемымъ для него; религія вся сверхъестественна, и религіозное сознаніе человѣка не можетъ сортировать религіозныя истины по мѣркѣ ограниченаго умственнаго кругозора человѣка. Не даромъ такое большое значеніе въ религіи имѣетъ вѣра; а вѣрою религіозный человѣкъ воспринимаетъ все, и доказуемое для естественнаго разума и недоказуемое для него; вѣра же есть актъ сердца, религіознаго чувства; познаніе же вѣрою, сердцемъ, религіознымъ чувствомъ, какихъ бы предметовъ религіи оно ни касалось, по характеру и природѣ своей совершенно отлично отъ познанія чего бы то ни было разумомъ. Это познаніе религіозныхъ истинъ сердцемъ, познаніе внутреннимъ религіознымъ опытомъ простирается на все въ религіи: и доступное, и самое малодоступное для естественнаго изслѣдованія разума человѣческаго оно равно уясняетъ и утверждаетъ съ положительностію. Возьмемъ основную общерелигіозную истину—истину бытія Божія. Извѣстно, что существуетъ цѣлая серія различныхъ доказательствъ бытія Божія — логическихъ, нравственныхъ, психологическихъ,

физических и т. д.,—которыми истина эта устанавливается съ достаточною опредѣленностью: вѣдь только *безумецъ* можетъ говорить *въ сердце своемъ: нѣтъ Бога* ¹⁾. Но зачѣмъ же въ такомъ случаѣ, спрашивается, составлены всѣ эти немалочисленные доказательства бытія Божія? Затѣмъ, что существуетъ не очень малое количество и возраженій *противъ* истины бытія Божія; значить, истина эта *не для всѣхъ* имѣетъ значеніе несомнѣнной аксіомы. Между тѣмъ внутренній религіозный опытъ есть самое лучшее, самое сильное доказательство бытія Божія;—а внимательный читатель замѣтитъ это и на самыхъ разсудочныхъ, теоретическихъ доказательствахъ бытія Божія: въ конечныхъ выводахъ своихъ не обходятся они безъ *вѣры* ²⁾, безъ врожденной человѣку *идеи Бога* ³⁾, т. е. безъ того, на чемъ зиждется въ извѣстной мѣрѣ и религіозный опытъ человѣка. Въ своемъ религіозномъ опытѣ человѣкъ, имѣющій его, ясно видитъ сердцемъ и осязаетъ своего Творца. Какъ въ ветхомъ завѣтѣ „Богъ являлся каждому изъ святыхъ, какъ Его была на то воля и какъ полезно было сподобившемуся видѣнія, напр. иначе являлся Аврааму, иначе Исааку, иначе Іакову, Ною, Давиду, Моисею, Давиду и каждому изъ пророковъ, умалая и плототворя Себя, преображаясь и симъ любящимъ Его по великой и недомыслимой любви, какую имѣлъ къ нимъ, давая Себя видѣть, не каковъ Онъ Самъ въ Себѣ, потому что Богъ невмѣстимъ, но соотвѣтственно ихъ вмѣстимости и силѣ“ ⁴⁾,—такъ и въ новой бла-

¹⁾ Пс. 13, 1.

²⁾ Ср. Слова преп. Симеона новаго Богослова, вып. 2, стр. 328.

³⁾ Вотъ почему умѣстны эти доказательства не въ философіи, а въ основномъ, „умозрительномъ“ богословіи, или въ „философіи религіи“: философскимъ, логическимъ путемъ вывести идею отличнаго и отдѣльнаго отъ міра, личнаго, свободнаго Божественнаго Существа не такъ легко.

⁴⁾ Преп. Макарія Египетскаго бесѣды, посланіе и слова, стр 531; ср. стр. 39.

годати Богъ „плототворить Себя, по мѣрѣ удобопріемлемости святыхъ и достойныхъ вѣрныхъ душъ, чтобы Невидимый былъ для нихъ видимъ и Неосязаемый, соразмѣрно свойству душевной тонкости, былъ осязаемъ, и чтобы души ощутили благодать и сладость Его и на самомъ опытѣ уладились свѣтомъ неизроченнаго наслажденія“¹⁾. „Является Себя Богъ ясно, узнается весьма хорошо, видится чисто невидимый, говоритъ и слышитъ невидимо, бесѣдуетъ естествомъ Богъ съ тѣми, кои рождены отъ Него богами по благодати, какъ бесѣдуютъ другъ съ другомъ, лицомъ къ лицу, любить сыновъ Своихъ какъ отецъ, и любить бываетъ ими чрезмѣрно, и бываетъ для нихъ дивнымъ нѣкимъ видѣніемъ и страшнымъ слышаніемъ, о которыхъ не могутъ они говорить какъ должно, но опять и молчать не могутъ“²⁾. Эта „ясность“ явленія Божества не значитъ, конечно, что Богъ сразу является человѣку всѣмъ существомъ Своимъ: Богъ творить такъ, какъ полезно человѣку, какъ нужно для извѣстной нравственной цѣли. Вотъ какъ изображаетъ, напр., явленія ему Господа преп. Симеонъ новый Богословъ: „Ты извлекъ меня, говорить св. отецъ, изъ тины грѣха; я чувствовалъ влеченіе и понималъ, что поднимаюсь на верхъ, но совсѣмъ не зналъ, кѣмъ влекомъ есмь или кто есть держащій меня и поднимающій на верхъ; я не видѣлъ Тебя, кто Ты, только одно то узналъ я, что Ты—нѣкто благій и человѣколюбивый, извлекшій меня изъ глубочайшаго рва всякихъ нечистотъ. Въ одинъ день Ты встрѣтилъ меня на пути, опять тотъ же, что и прежде извлекъ меня изъ нечистоты; тутъ въ первый разъ блеснула Ты въ слабыя очи мои пречистымъ сіяніемъ божественнаго лица Своего, и я тотчасъ потерялъ и тотъ

¹⁾ Ibid, стр. 37; ср. стр. 39.

²⁾ Слова преп. Симеона новаго Богослова, вып. 2, стр. 488—489; ср. стр. 504.

малый свѣтъ, который, какъ мнѣ думалось, имѣлъ я, не могши узнать Тебя. И какъ было возможно увидѣть мнѣ Тебя и узнать, кто Ты былъ, когда я и самого сіянiя лица Твоего не могъ видѣть и разумѣть? Съ тѣхъ поръ благоволилъ Ты, снисходительнѣйшій, чаще приходитъ ко мнѣ и давалъ мнѣ видѣть чаще свѣтъ лица Твоего, и тотчасъ отлеталъ, дѣлаясь невидимымъ и не давая мнѣ понять, кто былъ Ты, дѣлавшій сіе, откуда приходилъ и куда уходилъ, какъ даже и доселѣ не даешь мнѣ понять сіе. Приходя такимъ образомъ ко мнѣ и отходя довольно долгое время, Ты мало по малу все яснѣе и яснѣе являлся мнѣ, все больше и больше омывалъ меня водами Своими и даровалъ мнѣ видѣть свѣтъ все болѣе и болѣе чисто, болѣе и болѣе обильно. Дѣлая это для меня многое время, Ты, наконецъ, сподобилъ меня увидѣть и вѣкое страшное таинство: однажды, когда Ты, пришедши, орошалъ и омывалъ меня, какъ мнѣ казалось, водами и многократно погружалъ меня въ нихъ, я видѣлъ молніи, меня обшестававшія, и лучи отъ лица Твоего, смѣшивавшіеся съ водами, и видя, какъ омываемъ былъ водами свѣтовиднѣйшими и блестящими, пришелъ въ изступленіе. Какъ же это было и отъ чего и кто былъ податель сего, не зналъ, только, омываемъ будучи, радовался, возрастая въ вѣрѣ, окрыляясь надеждою и воспаряя созерцаніемъ даже до небесъ. Проведши такъ благодатію Твоею довольное время, я опять увидѣлъ другое страшное таинство. Я видѣлъ, что Ты, взявъ меня, возшелъ на небеса, вознесши и меня съ Собою,—не знаю впрочемъ, въ тѣлѣ ли Ты возвелъ меня туда или кромѣ тѣла, Ты одинъ то знаешь, сдѣлавшій сіе. Послѣ того, какъ я пробылъ тамъ съ Тобою довольное время, удивляясь величію славы (чьа же была та слава и что она такое, не знаю), я пришелъ въ изступленіе отъ безмѣрной высоты ея и вострепеталъ весь. Но Ты опять оставилъ меня одного на землѣ, на которой я стоялъ прежде. Пришедъ

въ себя, я нашелъ себя плачущимъ и дивящимся скорбному обнищанію своему. Потомъ, немного спустя послѣ того, какъ я сталъ долу, Ты благоволилъ показать мнѣ горѣ, на небесахъ, отверзшихся, лице Свое, какъ солнце, безъ образа и вида. Впрочемъ, и тогда Ты не далъ мнѣ познать, кто Ты былъ; ибо какъ можно было мнѣ познать Тебя, когда Ты не сказалъ мнѣ ничего, но тотчасъ скрылся? Я искалъ Тебя, котораго не зналъ, сильно желя увидѣть образъ Твой и познать точнѣйше, кто Ты; почему отъ сильнаго желанія Тебя и отъ пламенной любви къ Тебѣ всегда плакалъ, не знаи, кто Ты, приведшій меня изъ небытія въ бытіе, извлекшій меня изъ пропасти грѣховной и содѣлавшійся для меня всѣмъ тѣмъ, о чемъ я сказалъ прежде. Такъ, часто являлся Ты опять мнѣ и опять, ничего не сказавши, скрывался и не показывался уже болѣе. Я же, видя въ водахъ, какъ видалъ прежде, молніи и блистанія лица Твоего, которыя меня окружали, которыхъ однакожъ я не могъ ухватить, часто воспоминалъ, какъ видѣлъ Тебя однажды горѣ и, думая по своему невѣжеству, что тотъ былъ другой, все искалъ и искалъ со слезами увидѣть Тебя. Когда наконецъ, подавленный печалію и скорбію, я забылъ всецѣло и себя самого и міръ весь и все, что въ мірѣ, не держа на умѣ совершенно ничего изъ всего видимаго, тогда опять явился Ты, невидимый, неосозаемый, неуловимый. Я чувствовалъ тогда, что Ты очищашъ умъ мой, открывашъ пространіе очи души моей и давалъ мнѣ видѣть славу Твою обильнѣе, и что самъ Ты увеличиваешься паче и паче и блистаніемъ паче и паче расширяешься, и мнѣ казалось, что съ удаленіемъ тьмы Ты приближаешься ближе и ближе, какъ это часто испытываемъ мы и въ чувственныхъ вещахъ; ибо когда сіяетъ луна и облака бѣгутъ гонимыя вѣтромъ, тогда кажется, что и луна бѣжитъ скорѣе, хотя на дѣлѣ она нисколько не скорѣе бѣжитъ обыкновеннаго своего теченія. Такимъ образомъ, о Владыка, мнѣ ка-

запось, что Ты недвижимый грядешь, неизмѣняемый увеличиваешься, не имѣющій образа пріемлешь образъ; ибо какъ бываетъ съ слѣпымъ, что онъ мало по малу приываетъ видѣть и ясно обнимать весь образъ человѣка или все очертаніе человѣческаго тѣла и мало по малу живописуетъ его пѣ себѣ, какъ онъ есть,—какъ, говорю, у слѣпаго не измѣняется и не передѣлывается въ глазахъ образъ человѣка, но глаза слѣпаго, болѣе и болѣе очищаются, видятъ, наконецъ, образъ человѣка, какъ онъ есть, когда начертывается все подобіе образа человѣка въ сихъ глазахъ и чрезъ нихъ проходитъ въ умъ и рисуется въ памяти человѣка, какъ на доскѣ,—такъ и Ты, когда очистилъ совершенно умъ мой, явился мнѣ ясно во свѣтѣ Духа Святаго, и какъ умъ мой видѣлъ Тебя яснѣе и чище, то мнѣ и казалось, что Ты будто выходишь откуда-то, являешься свѣтлѣйшимъ и даешь мнѣ видѣть черты беззрачнаго зрака Твоего. Тогда Ты сдѣлалъ, что я вышелъ изъ міра сего, мнѣ кажется, скажу такъ, и изъ тѣла моего, потому что Ты не далъ мнѣ уразумѣть сіе до точности; но Ты сіять чрезмѣрно и, какъ мнѣ казалось, явился весь во мнѣ всемъ, видѣвшемъ добрѣ. Когда я спросилъ Тебя, говоря: о, Владыко, кто Ты? тогда Ты въ первый разъ сподобилъ меня, блуднаго, услышать и сладчайшій гласъ Твой и столь сладко и кротко бесѣдовалъ со мною, что я пришелъ въ изступленіе, изумлялся и трепеталъ, помышляя въ себѣ и говоря: какъ это славно и какъ блистательно! какъ и за что удостоился я такихъ благъ? Ты сказалъ мнѣ: Я—Богъ, содѣлавшійся человѣкомъ по любви къ тебѣ; такъ какъ ты разыскалъ Меня отъ всей души, то се отнынѣ будешь ты братомъ Моимъ и другомъ и сонаслѣдникомъ. Слыша это, я весь вострепеталъ, изсякла вся сила моя и едва не вышла душа моя. Опомнившись немного, я отвѣчалъ: и кто есмь я, Господи, и какое добро сдѣлалъ я окаянный и бѣдный, что Ты удостоиваешь меня толикихъ благъ и дѣлаешь

меня соучастникомъ и сонаслѣдникомъ славы Твоея, — держа при семъ на умѣ, что эта слава и радость выше всякаго ума? Ты же, Владыко мой Христе, опять сказалъ мнѣ: Я говорю съ тобою, какъ другъ съ другомъ, чрезъ Духа Святаго, Который вмѣстѣ со Мною говорить тебѣ; это даровалъ Я тебѣ за одно твое произволеніе и вѣру, и дамъ еще больше сего; ибо ты, созданный Мною нагимъ, кромѣ произволенія своего что другое имѣешь ты или имѣлъ когда либо собственно твоего, чтобъ Я принялъ то отъ тебя и вмѣсто того даровалъ тебѣ это? Сіе сказалъ Ты и умолкъ и мало по малу скрылся отъ очей моихъ Ты, сладчайшій и добрый Владыка мой. И не знаю, я ли отдалился отъ Тебя или Ты отошелъ отъ меня. Впрочемъ мнѣ думалось, будто я пришелъ откуда-то и вошелъ въ мое жилище, а тутъ и совсѣмъ пришелъ я въ себя. Послѣ сего, воспоминанная красоту славы Твоея и Твои слова, Владыко, я плакалъ, и когда шелъ, и когда сидѣлъ, и когда ѣлъ, и когда пилъ и когда молился, — и имѣлъ неизреченную радость, что позналъ Тебя, Творца вселенскихъ. Да и какъ могъ я не радоваться? Впрочемъ потомъ пришла и печаль, печаль о томъ, что давно не видѣлъ Тебя. Но когда, сильно желая Тебя опять видѣть, пошелъ я однажды приложиться къ святой иконѣ Пречистой Матере Твоея и припалъ къ ней, умолая ее, Ты, прежде чѣмъ я всталъ, явился внутрь бѣднаго сердца моего, сдѣлавъ его все свѣтомъ. Тогда я позналъ, что воистину имѣю Тебя въ себѣ. Съ того времени я сталъ любить Тебя, не отъ одной памяти, т. е. не отъ того только, что вспоминалъ Тебя и славу Твою, но отъ того, что увѣровалъ воистину, что имѣю внутри себя Тебя, цпостасную любовь, ибо истинная любовь — Ты Богъ. Ты сказалъ мнѣ, Владыко: слушай, чего надѣяться тебѣ; какъ, когда видишь солнце въ водѣ, самого солнца не видишь, потому что тогда смотришь внизъ, такъ разумѣй и то, что бываетъ въ тебѣ; затвори себя самого и старайся всегда

видѣть Меня чисто и ясно внутри себя, какъ солнце въ чистой водѣ; поступаая такъ, ты удостоишься потомъ по смерти увидѣть Меня, какъ Я предсказалъ тебѣ; если же не станешь такъ дѣлать, то всѣ дѣла твои и труды и эти слова не принесутъ тебѣ никакой пользы, а напротивъ послужатъ къ большому осужденію твоему и причинять тебѣ большую скорбь“¹⁾. Не каждому, конечно, является Богъ такъ, какъ видѣлъ Его преп. Симеонъ новый Богословъ; но фактъ несомнѣнный, что кто не видитъ и не имѣетъ Бога въ сердцѣ своемъ, тотъ никогда и не увидитъ Его ни въ мірѣ внѣшнемъ, ни въ обстоятельствахъ своей личной жизни: все будетъ казаться ему случаемъ. Но кто „старается всегда видѣть Бога чисто и ясно внутри себя“, тому и во вѣкъ „Невидимый бываетъ видимъ и Неосязаемый осязаемъ“. Бываетъ, что „во время совершенія чловѣкомъ молитвы своей сіяетъ ему свѣтъ, котораго изобразить въ словѣ никто не въ силахъ, отъ котораго душа преисполняется радости, возрождается вожденіе лучшаго и начинаютъ течь слезы со умиленіемъ: это есть божеское присѣщеніе и заступленіе“²⁾. „Я часто, сообщаетъ о себѣ преп. Симеонъ новый Богословъ, видалъ свѣтъ и иной разъ онъ являлся внутри меня, когда душа моя имѣла миръ и тишину, а иной разъ являлся онъ внѣ, вдали, или даже совсѣмъ скрывался, и когда скрывался, причинялъ мнѣ чрезмѣрную скорбь, потому что тогда думалось мнѣ, что вѣрно онъ совсѣмъ не хочетъ уже болѣе являться; но когда я начиналъ плакать и проливать слезы и показывать всякую отчужденность отъ всего и всякое послушаніе и смиреніе, тогда онъ являлся опять, какъ солнце, когда оно разгоняетъ густоту облака и мало по малу выказывается

¹⁾ Слова преп. Симеона новаго Богослова, вып. 2, стр. 493, 495—500, 501.

²⁾ Ibid., стр. 585.

рѣдостотворное, блестящее и круговидное“ ¹⁾. И „какъ тотъ, кто находится близъ моря, не только видитъ его, но и въ самыя воды его входитъ, сколько хочетъ, такъ бываетъ и духовно съ достигшими совершенства духовнаго, что они, когда хотятъ, входятъ въ свѣтъ Божій и созерцаютъ его и причащаются его сознательно въ мѣру подъятыхъ трудовъ, усилій и желательныхъ стремлений“ ²⁾. И этотъ свѣтъ Божій есть такой характерный, обычный признакъ божескаго посѣщенія, что, по словамъ св. Исаака Сиріянина, „кто цѣломудренъ, смиренномудръ, гнушается вольностію въ словахъ и изгналъ изъ сердца раздражительность, тотъ,—говоритъ св. отецъ,—увѣренъ я въ этомъ, какъ скоро станетъ на молитву, видитъ въ душѣ своей свѣтъ Святаго Духа и скачетъ въ блистаніяхъ озаренія свѣтомъ Его и веселится видѣніемъ славы сего озаренія и измѣненіемъ онаго до уподобленія съ нимъ самимъ“ ³⁾. Свѣтъ есть не только *признакъ*, но, можно сказать, и *образъ*, въ которомъ бываетъ человѣку посѣщеніе божественное. Вотъ что сообщаетъ, напр., объ этомъ свѣтѣ одинъ изъ истинныхъ рабовъ Божиихъ: „свѣтъ оный, когда является, веселитъ, а когда скрывается, оставляетъ рану и болѣзнь въ сердцѣ; приходи или нисходя на меня, онъ возводитъ меня на небеса, одѣвая и меня свѣтомъ; онъ является мнѣ, какъ нѣкая звѣзда, и есть невмѣстимъ для всей твари; сияетъ, какъ солнце, и мнѣ понятно, какъ вся тварь держится силою его; онъ показываетъ мнѣ все, что есть въ твореніи, и повелѣваетъ мнѣ не заходить за предѣлы человѣческаго естества; меня объемлютъ кровля и стѣны, а онъ отверзаетъ мнѣ небеса; поднимаю чувственные очи мои, чтобы посмотреть, что есть на небѣ, и вижу, что тамъ все такъ

¹⁾ Ibid., стр. 487—488.

²⁾ Ibid., стр. 554—555

³⁾ Св. Исаака Сиріянина слова подвижническія, стр. 49.

же есть, какъ было прежде¹⁾. И „когда ты слышишь о свѣтѣ вѣдѣнія,—говорить преп. Симеонъ новый Богословъ,—не думай, что это есть только вѣдѣніе безъ свѣта, потому что это не называется сказаніемъ или словомъ вѣдѣнія, но свѣтомъ вѣдѣнія или вѣдательнымъ свѣтомъ, поколику свѣтъ сей раждаетъ въ насъ вѣдѣніе, ибо невозможно инымъ способомъ познать кому либо Бога, кромѣ созерцанія свѣта, посылаемаго отъ сего самаго свѣта (т. е. Бога). Какъ тотъ, кто рассказываетъ другимъ о какой либо странѣ или какомъ человѣкѣ, рассказываетъ то, что видѣлъ и что знаетъ, а тѣ, которые слушаютъ его, не могутъ по одному слуху познать того человѣка или ту страну такъ, какъ знаетъ ихъ видѣвшій и рассказывающій, такъ и о безбесномъ Іерусалимѣ, о Богѣ, невидимо въ немъ обитающемъ, о пресвѣтлой славѣ лица Его, о дѣйствіи и силѣ Святаго Духа, т. е. свѣта, никто ничего не можетъ сказать вѣрнаго, если не увидитъ напередъ умными очами души своей сего свѣта и не познаетъ точно осіянія и дѣйствія его внутри себя самого. Тотъ же, кто слышитъ изъ Божественнаго Писанія о тѣхъ, кои видѣли Бога благодатию Св. Духа и говорятъ о Богѣ, тому одному научается, что видѣть написаннымъ въ Писаніи, почему не можетъ сказать о себѣ, чтобы позналъ Бога чрезъ одно слышаніе написаннаго. Ибо какъ можно познать того, кого не видишь? Если не можемъ мы чрезъ одно видѣніе познать человѣка, котораго видимъ, то какъ возможно намъ познать Бога чрезъ одинъ слухъ? Свѣтъ есть Богъ и созерцаніе его есть какъ свѣтъ; почему чрезъ узрѣніе свѣта бываетъ первое вѣдѣніе, которымъ познается, что есть Богъ. Какъ въ отношеніи къ человѣку, о коемъ сначала слышитъ кто, а потомъ видитъ его, бываетъ, что слышавшій тогда лишь, когда

¹⁾ Слова преп. Симеона новаго Богослова, вып. 2, стр. 439.

уже увидить его, познаеть, что это тотъ самый человѣкъ, о коемъ онъ слышалъ, или даже и этимъ способомъ не можетъ онъ удостовѣриться въ сказанномъ, потому что, сколько бы ни говорилъ тебѣ кто о другомъ, не можешь ты, увидѣвъ его, по одному этому слуху познать и увѣриться, что это тотъ самый человѣкъ, о коемъ ты слышалъ, но колеблешься и спрашиваешь или его самого или другого кого, кто его знаетъ, и тогда удостовѣряешься, что это тотъ самый,—такъ точно бываетъ и въ отношеніи къ Богу, что когда увидить кто Бога, ему явившагося, то видить свѣтъ и, видя его, дивится, но не узнаеть тотчасъ, кто есть тотъ, кто явился ему, и не осмѣливается спросить Его; ибо какъ ему спрашивать Его, когда не можетъ очей своихъ поднять, чтобы получше разсмотрѣть, что это такое, но смотреть съ великимъ страхомъ на стопы того, кто явился, зная лишь, что есть кто-то явившійся ему? Но если близко отъ него находится тотъ, кто прежде сказывалъ ему, что видѣлъ Бога, то идетъ къ нему и говоритъ: о, отче! я видѣлъ то, о чемъ ты говорилъ мнѣ. Тотъ спрашиваетъ его: что ты видѣлъ, чадо мое? Видѣлъ я, отче, свѣтъ нѣкій сладчайшій; но что это была за сладость, не могу выразить. Когда говоритъ онъ это, сердце его трепещетъ отъ радости и ликуеть и пламенѣетъ любовію къ тому, кто явился ему. Потомъ опять начинаетъ онъ говорить со многими теплыми слезами: какъ явился мнѣ, отче, свѣтъ оный, тотчасъ исчезла келлія моя, исчезъ міръ, отбѣгши, какъ кажется, отъ лица того, кто явился мнѣ, и остался я одинъ со свѣтомъ онымъ, и не знаю, отче, въ тѣлѣ ли я былъ тамъ тогда или внѣ тѣла; тогда не понималъ я, былъ ли облеченъ въ это тѣло и носилъ ли его; впрочемъ сознавалъ, что я существую и что есть во мнѣ неизреченная радость и любовь и пламеніе сердца великое, и слезы рѣкою текли у меня, какъ и теперь текутъ, какъ видишь. Тотъ говоритъ ему въ отвѣтъ: это тотъ, о коемъ я гово-

рилъ тебѣ; и съ этимъ словомъ тотчасъ опять узрѣваетъ Его. Съ сего времени болѣе и болѣе очищается онъ и, очищаясь, пріемлетъ дерзновение и спрашиваетъ самого явившагося, говоря: ты—Богъ мой? Тотъ отвѣчаетъ: я Богъ, содѣлавшійся человѣкомъ для тебя, чтобъ и тебя сдѣлать богомъ, и вотъ, какъ видишь, сдѣлалъ и буду дѣлать. Если такимъ образомъ пребудетъ онъ въ плачѣ и слезахъ и въ смиренномъ къ Богу припаданіи, то начинаетъ мало по малу болѣе познавать, яже суть Божія, и, достигнувъ сего, уразумѣваетъ волю Божию святую, угодную и совершенную; ибо если не узритъ кто Бога, то не можетъ и познать Его, а если не познаетъ Его, не можетъ познать и святую волю Его“¹⁾. И „блаженъ тотъ христіанинъ, который предстоитъ Богу въ молитвѣ такъ, что его видитъ Богъ и онъ видитъ Бога и чувствуетъ, что сталъ внѣ міра, въ тѣлѣ или кромѣ тѣла; потому что онъ услышитъ неизреченные глаголы и увидитъ то, чего око не видало, о чемъ ухо не слыхало и что на сердце челоуѣку не всходило“²⁾. „Умными очами челоуѣкъ видитъ Бога и бездну славы Его, не всю, сколько ея есть, но лишь столько, сколько возможно вмѣстить челоуѣческому естеству“³⁾; челоуѣкъ „научаемъ бываетъ мысленно божественною благодатію вѣдѣнію за вѣдѣніемъ, восходя отъ созерцанія сущаго къ познанію того, что воистину есть выше всего сущаго“⁴⁾. Челоуѣкъ на опытъ узнаетъ, „кто таковъ Богъ, благій Владыка нашъ“ къ Которому мы должны „желательно стремиться“; челоуѣкъ узнаетъ, что Богъ „являетъ Себя приходящимъ къ Нему, если они паходятся и въ мірѣ, чтобы они притрудно взыскали Его“; челоуѣкъ узнаетъ, что Богъ „невидимый и невимѣстимый видимъ бываетъ и вмѣщается въ насъ“; узна-

1) Слова преп. Симеона новаго Богослова, вып. 2, стр. 116 - 118

2) Ibid., стр. 58.

3) Ibid., стр. 554, 134.

4) Ibid., стр. 555.

еть человѣкъ, что Богъ, „создавшій всяческая и сотворившій человѣковъ, соединяется съ ними и дѣлаетъ ихъ богочисными и сынами Своими“; человѣкъ познаетъ, что „всякій вѣрующій въ Бога бываетъ членомъ Его и сіяетъ божествомъ по благодати Его“; человѣкъ познаетъ, что Богъ, „Творецъ нашъ, Котораго онъ воображаетъ сущимъ на небѣ, обитаетъ внутри насъ“¹⁾. „Таинственнымъ гласомъ Богъ самъ говоритъ это“ вѣрующей душѣ²⁾. И душа человѣка познаетъ, что Богъ и благъ, и премудръ, и всевѣдущъ, и вездѣсущъ, и т. д. и т. д. „Случается человѣку читать обо всемъ этомъ въ Божественныхъ Писаніяхъ, но онъ какъ-то думаетъ, что тамъ говорится о другихъ лицахъ и вещахъ, а не объ этомъ, и остается безчувственъ ко всему написанному и не можетъ никогда войти въ смыслъ того; человѣкъ читаетъ, что взывалъ и говорилъ апостолъ Павелъ: *ихже око не видѣ и ухо не слыша и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Богъ любящимъ Его*,—и думаетъ, что въ созерцаніе такихъ благъ невозможно придти человѣку, находящемуся еще въ тѣлѣ, и заключаетъ, что Богъ ему только показалъ ихъ по особенной къ нему милости,—не зная, бѣдный, что это дается отъ Бога всѣмъ любящимъ Его“³⁾. Религіозный опытъ есть единственный источникъ для познанія и тайны Пресвятой Троицы. „Мы, говоритъ преп. Симеонъ новый Богословъ, думаемъ, что можемъ получить познаніе истины Божіей посредствомъ внѣшней премудрости и посредствомъ одного чтенія премудрыхъ Писаній святыхъ мужей, въ которомъ упражняемся, и, довольствуясь этими одними средствами, почитаемъ себя постигшими православіе и имѣющими точное и твердое познаніе Пресвятыя Троицы, а болѣе почтенные предъ други-

¹⁾ Ibid., стр. 483—487, 119.

²⁾ Ibid., стр. 119.

³⁾ Ibid., стр. 483—484.

ми люди неразумно полагають, будто тѣ мысли, какія они слагають въ умѣ своемъ, суть созерцанія такого же достоинства, какъ и тѣ, которыя подаются достойнымъ только чрезъ озареніе Духа Святаго. Увы! какое безуміе и какое ослѣпленіе! Другіе, опять безъ чистоты сердечной углубляясь умомъ своимъ въ тайны Бога и богословствую, когда услышатъ о Богѣ, что какъ въ трехъ солнцахъ единое есть сіяніе свѣта, такъ и въ Пресвятой Троицѣ—едино сіяніе единого Божества, тотчасъ воображаютъ въ умѣ своемъ три солнца соединенныя по свѣту, т. е. по существу, и раздѣленныя по ипостасямъ, и полагають несмысленно, что они видятъ такъ самое Божество, и что святая единосущная и нераздѣльная Троица полно выражается симъ уподобленіемъ. Но не такъ есть, братія, не такъ. Никто не можетъ добрѣ и полно постигнуть умомъ и выразить словомъ догматъ о Пресвятой Троицѣ, сколько ни читай онъ Божественныя Писанія. Истинно вѣрующій и не берется за это; но, приѣмля съ вѣрою написанное, въ томъ одномъ пребываетъ, ничего болѣе не пытая, и кромѣ написаннаго и того, чему наученъ, совершенно ничего другого не можетъ онъ сказать пытливымъ и самонадѣянно дерзающимъ изслѣдовать божественное. Что такое слово мое истинно, послушай, что говоритъ Христосъ Господь: *никтоже знаетъ Сына, токмо Отецъ, ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ и елиже еще волитъ Сынъ открыть*. Этими словами и другими подобными заграждаются безстыжія и бездверныя уста тѣхъ, которые говорятъ и думаютъ, что знаютъ сущую истину самого, говорю, Бога, изъ внѣшней мудрости и изъ писменъ изучаемыхъ и что сими средствами они стяжаютъ познаніе сокровенныхъ таинъ Божіихъ, которыя открываются только Духомъ; ибо если *никтоже знаетъ Сына, токмо Отецъ, ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ и елиже еще волитъ Сынъ открыть* глубины сія и сіи тайны, то кто изъ мудрыхъ или риторовъ или ученыхъ (кромѣ тѣхъ, которые

при семь очистили умъ свой вышешю философіею и подвижничествомъ и имѣютъ душевныя чувства свои истинно обученными) можетъ безъ откровенія свыше отъ Господа одною человѣческою мудростію познать сокровенныя тайны Божіи? Онѣ открываются посредствомъ умнаго созерцанія, дѣйствующаго Божественнымъ Духомъ, въ тѣхъ, коимъ дано и всегда дается познавать ихъ божественную благодатію. Знаніе сихъ тайнъ есть достояніе тѣхъ людей, которыхъ умъ каждодневно просвѣщается Духомъ Святымъ ради чистоты душъ ихъ,—тѣхъ, коихъ умыя очи добрѣ открыты дѣйствіемъ лучей Солнца правды,—тѣхъ, коимъ дано Духомъ Святымъ слово разума и слово премудрости,—тѣхъ, кои сохраняютъ совѣсть и страхъ Божій посредствомъ любви, мира, благодати, милосердія, воздержанія и вѣры. Вотъ чье достояніе есть вѣдѣніе божественнаго! Тѣмъ, кои таковы, говорить Христосъ, какъ сказано и апостоламъ: *вамъ дано есть въдати тайны царствія Божія, прочіимъ же въ притчахъ*. Они, движимы будучи Божественнымъ Духомъ, знаютъ равночестіе и единеніе, которое имѣетъ Сынъ со Отцемъ, такъ какъ видятъ во Отцѣ Сына и въ Сынѣ Отца чрезъ Духа, какъ написано въ Евангеліи: *Азъ во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ*, причемъ подразумѣвается, что и Духъ Святой равно есть во Отцѣ; ибо такъ какъ Духъ Святой исходитъ отъ Отца, Отецъ же весь есть во всемъ Сынѣ, то и Духъ Святой есть во Отцѣ и Сынѣ. Отецъ и Сынъ и Духъ Святой есть единъ Богъ, покланяемый отъ всякаго дыханія¹⁾. Только по откровенію отъ Бога „умъ челоѣка ощущаетъ духовное вѣдѣніе тварей, разумныхъ и неразумныхъ, духовныхъ и тѣлесныхъ“²⁾),—значить, постигаетъ и себя самого, какъ разумно-свободное существо: „ни мудрые своею

¹⁾ Слова преп. Симеона новаго Богослова, вып. 2, стр. 329—331. Ср. Св. Исаака Сиріянина слова подвижническія, стр. 319, 323.

²⁾ Св. Исаака Сиріянина слова подвижническія, стр. 319, 323.

мудростию, ни разумные своимъ разумомъ не могутъ постигнуть душевной тонкости или сказать о душѣ, что она такое; только при содѣйствіи Духа Святаго открывается и приобрѣтается понятіе и точное вѣдѣніе о душѣ: Онъ—Богъ, а она—не Богъ; Онъ Господь, а она—раба; Онъ Творецъ, а она—тварь; Онъ Создатель, а она—созданіе; ничего нѣтъ общаго въ Его и ея естествѣ, но только по безконечной, неизреченной и недомыслимой любви Своей и по благоутробію Своему благоволилъ Онъ вселиться въ сего созданіи, въ этой разумной твари, въ этомъ досточестномъ, избранномъ дѣлѣ Своёмъ, чтобы быть намъ Его мудростию и общеніемъ, быть собственною Его обителію, собственною чистою Его невѣстою¹⁾. Только по благодати Божіей человекъ „какъ въ зеркалѣ, истинно видитъ себя самого, что онъ такое есть и въ какомъ жалкомъ состояніи находится,—вплоть и самомалѣйшія свои прегрѣшенія, тонкочасти, видитъ всѣ дѣла свои, которыя совершалъ тѣломъ и какія дѣйствовались только въ душѣ его“²⁾. „Благодатию Св. Духа, а не изъ письмени, познаетъ и научается человекъ, что такое добро; и не научается онъ божественному словомъ только, но свѣтомъ слова и словомъ свѣта таинственно; достигнувъ сего, бываетъ онъ учителемъ и себѣ самому и ближнимъ, свѣтомъ міра и солию земли“³⁾. По дѣйствию Божію „снимается покрывало съ очей души человека и показывается ему, чего хочетъ Богъ и что полезно для него“⁴⁾. Только „когда Богъ вселяется въ человека, то научаетъ его всему, и относительно настоящаго и относительно будущаго, не словомъ, а дѣломъ и опытомъ, практически“⁵⁾. По откровенію свыше человекъ постигаетъ, что

1) Преп. Макарія Египетскаго бѣсѣды, посланіе и слова, стр. 409.

2) Слова преп. Симеона новаго Богослова, вып. 2, стр. 36, 86, 225; вып. 1, стр. 158.

3) Ibid., вып. 2, стр. 317.

4) Ibid., стр. 134.

5) Ibid.

Богъ—нашъ „заступникъ, отецъ, братъ, царь“ ¹⁾; человекъ „видитъ, какъ во всякое время Богъ близокъ, чтобы избавлять боящихся Его и какъ Его промыслъ окружаетъ ихъ, хотя и невидимъ; но потому что невидимъ тѣлесными очами Хранитель, пребывающій съ нами, никто не долженъ сомнѣваться о Немъ, будто бы Его нѣтъ; ибо нерѣдко открывается Онъ и тѣлеснымъ очамъ, чтобы человеку благодушествовать“ ²⁾. „Какъ скоро человекъ отринетъ отъ себя всякую видимую помощь и человѣческую надежду и съ вѣрою и чистымъ сердцемъ пойдетъ во слѣдъ Богу, тотъ часъ послѣдуетъ за нимъ благодать и открываетъ ему силу свою въ различныхъ вспоможеніяхъ. Сперва открываетъ въ этомъ явномъ, касающемся до тѣла, и оказываетъ ему помощь промысленіемъ о немъ, чтобы въ этомъ всего болѣе могъ онъ восчувствовать силу о немъ Вожія промысла. И уразумѣніемъ явнаго увѣряется онъ и въ сокровенномъ, какъ и свойственно младенчеству его мыслей и житію его. Ибо какъ уготовляется потребное для него, когда о томъ и не заботился? Многіе удары, приближающіеся къ нему, часто исполненные опасностей, проходятъ мимо, когда человекъ о нихъ и не помышляетъ; между тѣмъ благодать неощутимо и весьма чудесно отражаетъ отъ него это и хранить его, какъ питающая чадъ своихъ птица, которая распростираетъ надъ ними крылья свои, чтобы не приближился къ нимъ стъ чего либо вредъ. Благодать даетъ ему видѣть очами своими, какъ близка была къ нему гибель его и какъ остался онъ невредимымъ. Такъ обучаетъ его и въ разсужденіи сокровеннаго, открываетъ предъ нимъ хитросплетеніе мыслей и помысловъ трудныхъ, неостижимыхъ; и легко смыскивается человекомъ значеніе ихъ, взаимная между ними связь и прелесть ихъ, и къ которому изъ

¹⁾ Ibid., стр. 483.

²⁾ Св. Исаака Сиріянина слова подвижническія, стр. 268.

сихъ помысловъ прилѣплень челоуѣкъ, какъ они раждаются одинъ отъ другаго и губятъ душу. И благодать посрамляетъ предъ очами его всю злокозненность демоновъ и убѣжище помысловъ ихъ, влагаетъ въ него смыслъ уразумѣвать будущее; въ простотѣ его возсіяваетъ сокровенный свѣтъ, чтобы исполнѣ ощущать силу понятій въ тонкихъ помыслахъ, и какъ бы перстомъ указываетъ ему, что потерпѣлъ бы онъ, еслибы не позналъ сего¹⁾. Особенно „когда бываетъ челоуѣкъ въ обстоятельствахъ разрушающихъ надежду его, тогда познается чудная любовь Божія къ челоуѣку: здѣсь Богъ силу свою показываетъ въ спасеніи его; ибо никогда челоуѣкъ не познаетъ силы Божіей въ покоѣ и свободѣ; и нигдѣ Богъ не являлъ ощутительно дѣйственности своей, какъ только въ странѣ безмолвія и въ пустынѣ, въ мѣстахъ лишенныхъ сходбищъ и молвы въ обитаніи съ людьми“²⁾. По откровенію отъ Бога постигаетъ благочестивый челоуѣкъ „тайны достопоклоняемаго ради насъ домостроительства“³⁾, т. е. тайну воплощенія, страданія, смерти, воскресенія Сына Божія⁴⁾. Самое „божество нашего Искупителя никто не можетъ познать, если не привлечетъ его и не подыметъ до познанія сего Отецъ Небесный (привлеченіе здѣсь не какое либо насиліе или принужденіе показываетъ, а призваніе посредствомъ откровенія); только наученный Богомъ можетъ увѣровать въ Сына Божія“⁵⁾, а „неполучившіе благодати Святаго Духа не могутъ видѣть, ни познать Христа—Бога; ибо Того, Кто есть выше всякаго ума и помышленія, какъ возможно познать уму нашему, созданному Имъ, если онъ не будетъ просвѣщенъ отъ Него и не соединится съ Нимъ? Какъ отъ Него получилъ онъ бытіе, такъ опять отъ Него

1) Ibid, стр. 268—270.

2) Ibid., стр. 270—271.

3) Ibid, стр. 319.

4) Еп. *Феофанъ*. Письма о христіанской жизни, стр. 252.

5) Слова преп. Симсона новаго Богослова, вып. 1, стр. 446.

же долженъ онъ сподобленъ быть увидѣть и познать Его знаніемъ невѣдомымъ и созерцаніемъ незримымъ¹⁾. Въ религіозномъ опытѣ мы получаемъ истинное доказательство воскресенія изъ мертвыхъ пострадавшаго за насъ нашего Спасителя: „воскресенію Христову, говоритъ преп. Симеонъ новый Богословъ, вѣрятъ многіе; но мало такихъ, которые бы чисто зрѣли его; тѣ же, которые не зрятъ такъ воскресенія Христова, не могутъ поклоняться Іисусу Христу, какъ Господу. Почему священная пѣснь, которую часто имѣемъ мы въ устахъ своихъ, гласитъ: Воскресеніе Христово, не вѣровавше, а что? Воскресеніе Христово видѣвше, поклонимся святому Господу Іисусу, единому безгрѣшному. Какъ же это Святый Духъ подвигаетъ насъ пѣть: воскресеніе Христово видѣвше, т. е. что мы видѣли воскресеніе Христова, когда мы не видали его, такъ какъ Христосъ воскресъ больше тысячи лѣтъ²⁾ прежде, да и тогда никто не видалъ, какъ Онъ воскресъ? Ужъ не хочетъ ли пѣснь церковная научить насъ говорить ложь? Да не будетъ! Напротивъ, она заставляла насъ возглашать сими словами совершенную истину, напоминая о томъ воскресеніи Христовомъ, которое бываетъ въ каждомъ изъ насъ вѣрныхъ, и бываетъ не просто, но свѣтоносно, блистая сіяніями божества Его и нетлѣнія. Свѣтоносное присутствіе Духа показываетъ на совершившееся въ насъ воскресенію Господне и еще паче—дать намъ благодать видѣть самого воскресшаго Христа Господа. Итакъ въ тѣхъ, въ которыхъ явился Христосъ воскресшій, всеконечно Онъ и виденъ бываетъ духовно и видится духовными очами; ибо когда приходитъ въ насъ Христосъ благодатію Св. Духа, то воскрешаетъ насъ изъ мертвыхъ, какими бываемъ дотошъ, и животворитъ, и

¹⁾ Ibid., вып. 2, стр. 456.

²⁾ Преп. Симеонъ новый Богословъ жилъ въ концѣ X и началъ XI в.

дѣлають, что мы видимъ въ себѣ живымъ Его самого, безсмертнаго и негдѣннаго¹⁾. Религіозный внутренній опытъ открываетъ намъ тайну оправданія нашего или усвоенія заслугъ Христовыхъ душъ²⁾. Богъ ищетъ человѣческаго спасенія и ведетъ его къ тому: какъ „за волосы головы его беретъ Богъ человѣка (т. е. просвѣщаетъ помыслы его) и, потянувъ съ великимъ усиліемъ, извлекаетъ изъ грѣха“³⁾; Онъ, „милостивый и благоутробный, силою вѣры и надежды избавляетъ человѣка отъ всѣхъ соблазновъ“, какіе стоятъ у него на пути, и „укрѣпляетъ человѣка претерпѣть все“⁴⁾; Онъ невидимо посылаетъ человѣку руководителей въ духовной жизни, внушаетъ вѣру въ нихъ⁵⁾. Да и вся жизнь человѣка проходитъ подъ покровомъ Божиимъ: „я знаю одного изъ братій, — пишетъ св. Исаакъ Сиріянинъ, — который ясно видѣлъ собственными своими глазами, что среди постящихся, пребывающихъ во бдѣніи и трудящихся о Господѣ, освящая ихъ, возлежитъ Возлюбленный и горечь злостраданія ихъ претворяетъ въ неисповѣдимую сладость; духовные же и небесные служители Его осѣняютъ ихъ и святые ихъ яства“⁶⁾. Опытномъ ощущаетъ человѣкъ всю истинность и спасительность религіи Христовой, все благотворное, обновляющее, преобразующее дѣйствіе ея на душу человѣческую, — внутренне ощущаетъ новую жизнь, принесенную намъ Христомъ, жизнь въ единеніи съ Божествомъ, жизнь воскресшаго духовно человѣка. Дѣло въ томъ, что „прежде смерти тѣла бываетъ смерть души и прежде воскресенія тѣла бываетъ воскресеніе душъ, — дѣйствительное (самымъ дѣломъ), опытно сознаваемое, истинное; ибо когда

1) Слова преп. Симеона новаго Богослова, вып. 1, стр. 318—319.

2) Еп. *Феофанъ*. Письма о христіанской жизни, стр. 252.

3) Слова преп. Симеона новаго Богослова, вып. 2, стр. 493.

4) *Ibid.*, стр. 495.

5) *Ibid.*, стр. 493.

6) Св. Исаака Сиріянина слова подвижническія, стр. 52—53.

смертное мудрованіе уничтожено бываетъ бессмертнымъ умомъ и мертвость изгоняется жизнью, тогда душа ясно видитъ себя воскресшею, какъ пробудившіеся отъ сна видятъ себя бодрствующими,—съ сознаніемъ, что это Богъ воскресилъ ее¹⁾,—Христосъ, Самъ воскресшій. „Славное воскресеніе Христа Спасителя есть собственное наше воскресеніе, которое мысленно совершается и проявляется въ насъ, умерщвленныхъ грѣхомъ, чрезъ воскресеніе Христово. Христосъ, препрославленный и высшій всякаго начала и власти и силы, какъ умалился и умеръ ради насъ, такъ и воскресъ и прославился ради насъ, чтобы сбывшееся въ Его лицѣ воспроизводить потомъ въ насъ и тѣмъ спасти насъ. Какъ тогда Онъ самъ, ишедши внѣ Іерусалима, пострадалъ, взойдетъ на крестъ и пригвоздивъ на немъ вмѣстѣ съ Собою грѣхи всего міра, умеръ, сошелъ въ преисподнія страны ада, потомъ опять поднялся изъ ада, возшелъ въ пречистое тѣло Свое и тотчасъ воскресъ изъ мертвыхъ, а затѣмъ вознесся на небеса со славою и силою многою и возсѣлъ одесную Бога и Отца,—такъ теперь, когда мы исходимъ въ сердцѣ изъ міра сего и съ неповѣданіемъ страданій Господа входимъ въ гробъ покаянія и смиренія, тогда самъ Христосъ сходитъ съ небесъ, входитъ въ насъ, какъ во гробъ, соединяется съ душами нашими и воскрешаетъ ихъ, явлю въ смерти пребывающихъ. Воскресеніе души есть соединеніе ея съ жизнью, которая есть Христосъ. Какъ тѣло мертвое, если не восприметъ въ себя живой души и не сольется съ нею нѣкимъ образомъ неслиянно, не бываетъ и не именуется живымъ и жить не можетъ, такъ и душа не можетъ жить сама о себѣ, если не соединится неизреченнымъ соединеніемъ и не сочетается неслиянно съ Богомъ, который воистину есть жизнь вѣчная; и тогда только, какъ соединится она съ Богомъ и такимъ образомъ воскреснетъ сп-

¹⁾ Слова преп. Симеона новаго Богослова, вып. 2, стр. 316, 563.

люю Христовою, удостоится она узрѣть мысленно и таинственно-домостроительное воскресеніе Христова“ ¹⁾. Внутреннимъ религіознымъ опытомъ человѣкъ познаетъ, что „вѣрующіе въ Бога получаютъ Святаго Духа; иной человѣкъ думаетъ, что вѣруетъ въ Бога совершенно и имѣетъ все, что даруетъ Онъ боящимся Его,—но послѣ самымъ дѣломъ узнаетъ, что раньше совершенно ничего не имѣлъ“ ²⁾, когда „опытомъ познаетъ благодать Божества, которое въ немъ царствуетъ, и дѣломъ являетъ плоды Всесвятаго Духа“ ³⁾. Опытотъ внутреннимъ легко рѣшается трудная богословская проблема объ отношеніи благодати Божіей къ свободѣ человѣческой: въ своей истинно-религіозной жизни человѣкъ чувствуетъ и сознаетъ и свою собственную свободу, свое активное участіе въ дѣлѣ религіознаго единенія съ Божествомъ,—сознаетъ, чувствуетъ и ощущаетъ и благодать, подаваемую ему Богомъ, сознаетъ и взаимное отношеніе между божественною благодатію и свободой человека—гораздо яснѣе и реальнѣе, чѣмъ послѣ какихъ либо теоретическихъ размышленій и разъясненій. „Благодать Св. Духа бываетъ непрístupна и незрима только для тѣхъ, коими обладаютъ невѣріе и страсти; а для тѣхъ, которые показываютъ достойное покаяніе и начинаютъ исполнять заповѣди Христовы съ вѣрою и вмѣстѣ со страхомъ и трепетомъ, она открывается и бываетъ зримою“ ⁴⁾. Человѣкъ „таинственно слышитъ“ отъ Бога, „въ какое дивное состояніе возводитъ его божественное челоѣколюбіе и сила, ради его вѣры и малаго терпѣнія, свидѣтельствовавшего о любви его; человѣкъ познаетъ, что, подлже смерти, сдѣлался онъ

¹⁾ Ibid, вып. 1, стр. 233—234.

²⁾ Ibid., вып. 2, стр. 483.

³⁾ Ibid., вып. 1, стр. 229.

⁴⁾ Ibid, вып. 2, стр. 36.

бессмертнымъ и, одержимъ будучи тѣлѣніемъ, сталъ неплѣнень,—что, живя въ мірѣ, онъ пребываетъ съ Богомъ, что, нося тѣло, не бываетъ влачимъ сластями тѣлесными, что онъ малъ тѣломъ, но умомъ созерцаетъ все“¹⁾; ему „дается удостовѣреніе, что прощены всѣ грѣхи его“²⁾. Человѣкъ, „со всею чистотою мыслей довѣрившійся самому Богу болѣе, нежели себѣ самому, и понудившій себя уповать на Бога болѣе, нежели на душу свою, ощутительно почувствуетъ, что въ немъ вселилась несомнѣнно недоумѣваемая сила,—та сила, которую ощутивъ въ себѣ, многіе идутъ въ огонь и не боятся и, ходя по водамъ, не колеблются въ помыслѣ своемъ опасеніемъ потонуть: потому что вѣра укрѣпляетъ душевныя чувства и человѣкъ ощущаетъ въ себѣ, что какъ будто нѣчто невидимое убѣждаетъ его не внимать видѣнію вещей страшныхъ и не взирать на видѣніе невыносимое для чувствъ“³⁾. А „изъ того, что совершаетъ въ немъ Богъ, человѣкъ познаетъ и то, что совершалъ Онъ и во всѣхъ прежнихъ святыхъ и что имѣетъ совершать въ послѣдующихъ“⁴⁾. Опытомъ внутреннимъ познаетъ человѣкъ и тайну Тѣла и Крови Господнихъ: „кто не имѣетъ Духа Святаго обитающимъ въ себѣ завѣдомо, тотъ не можетъ и божественныхъ таинъ умно созерцать такъ, какъ бы видѣлъ самого Христа и Бога, но видитъ только чувственно хлѣбъ и вино, которые стоятъ на трапезѣ и видимы чувственно“⁵⁾. „Кто вкушаетъ тѣло Сына Божія и пьетъ кровь Его, тотъ, если не знаетъ чувствомъ и опытомъ душевнымъ, что въ Богѣ пребываетъ, а Богъ въ немъ, поистинѣ еще не прича-

¹⁾ Ibid, стр. 504.

²⁾ Ibid.

³⁾ Св. Исаака Сиріянина слова подвижническія, стр. 265—266.

⁴⁾ Слова преп. Симеона новаго Богослова, вып. 2, стр. 118.

⁵⁾ Ibid., стр. 456.

щался достойно пречистыхъ тайнъ; ибо какъ возможно тому, кто соединился съ Богомъ, не знать о томъ, хотя бы былъ онъ и не совѣмъ чувствительнаго сердца? Также, если вкушающій тѣло и пьющій кровь Христовы имѣеть животъ вѣчный и на судъ не идетъ, но прешелъ отъ смерти въ животъ, то явно, что кто не сознаеть, что имѣеть въ себѣ животъ вѣчный и прешелъ отъ смерти въ животъ, таковой не позналъ еще тайнства домостроительства Божія¹⁾; только по внутреннему дѣйствию Божию челоуѣкъ познаеть, что Христосъ „вмѣсто чувственной пищи бываетъ безсмертнымъ и нетлѣннымъ хлѣбомъ, ненасытно вкушаемымъ тѣми, кои алчуть и неудержимо желаютъ Его,—источникомъ безсмертнымъ для тѣхъ, кои жаждутъ Его, и одеждою пресвѣтлою для тѣхъ, кои ради Него носятъ смиренныя и пищенскія одѣянiя“²⁾. Апостолъ Павелъ,—говорить преп. Симеонъ новый Богословъ,—писалъ „о неизреченныхъ глаголахъ, слышанныхъ имъ въ раю, о вѣчныхъ благахъ, которыхъ око не видало, о которыхъ ухо не слыхало пумъ челоуѣческiй никогда не помышлялъ, которыя однакожъ Богъ уготовалъ любящимъ Его,—блага сiи не на высотѣ спрятаны, не въ какомъ либо мѣстѣ заключены, не во глубинѣ сокрыты и не въ послѣднихъ предѣлахъ земли или моря обрѣтаются, но суть предъ очами нашими. Какiя же это они? Вмѣстѣ съ благами, усокровиществованными на небесахъ, есть Тѣло и Кровь Господа Иисуса Христа, комы каждодневно видимъ, вкушаемъ и пьемъ. Вотъ что суть блага оныя! Если желаешь удостовѣриться въ истинѣ словъ моихъ, стань сперва святымъ чрезъ дѣланiя заповѣдей Божiихъ, потомъ причастись святыхъ и пречистыхъ Тѣла и Крови Христовыхъ и тогда опытомъ точно познаешь силу

¹⁾ Ibid., стр. 450—451.

²⁾ Ibid., стр. 484.

словъ моихъ“¹⁾. Видѣли нѣкоторые благочестивые іереи Духа Святаго въ храмѣ, во время совершенія ими литургіи, или въ моментъ своего рукоположенія,—„простымъ и безвиднымъ, однакожъ какъ свѣтъ“, и слышали „тайнственный, но внятный голосъ Его: Я такъ нисхожу на всѣхъ пророковъ и апостоловъ и нынѣшнихъ избранниковъ Божіихъ и святыхъ; ибо Я есмь Святой Духъ Божій“²⁾. Далѣе, тѣ, „кои не имѣютъ Святаго Духа, не знаютъ и не вѣрятъ, что будетъ воскресеніе мертвыхъ, судъ и воздаяніе каждому по дѣламъ его“³⁾; это видятъ опытно и вѣрятъ этому несомнѣнно только воскресшіе отъ духовной смѣрти; они „ощущаютъ въ себѣ и то измѣненіе, какое приметъ внутреннее естество при обновленіи всяческихъ“, хотя ощущаютъ, правда, „нѣсколько неясно и какъ бы гадательно“⁴⁾. Наконецъ, „Писаніе не истолковало намъ, что такое есть въ будущемъ вѣкѣ; но какъ по ощущаемому здѣсь можемъ ощущать наслажденіе будущимъ, прежде естественнаго измѣненія и исшествія изъ міра сего, тому удобно научило насъ; хотя, чтобы возбудить насъ къ вождѣлѣнію будущихъ благъ, изобразило оныя подъ именами вещей у насъ вождѣлѣнныхъ и славныхъ, пріятныхъ и драгоценныхъ, когда говоритъ: *ихже око не видѣ и ухо не слыша*; а симъ возвѣстило намъ и то, что будущія блага непостижимы и не имѣютъ никакого сходства съ благами здѣшними“⁵⁾; всѣ блага, какія только получаетъ человѣкъ отъ Бога здѣсь на землѣ, „въ сравненіи съ будущими похожи на то, какъ еслибы кто нарисовалъ небо на бумагѣ и держалъ ее въ

¹⁾ Ibid., вып. 1, стр. 445.

²⁾ Ibid., вып. 2, стр. 569—570 Ср. видѣнія пр. Сергія Радонежскаго, Серафима Саровскаго и др. угодниковъ Божіихъ.

³⁾ Слова преп. Симеона новаго Богослова, вып. 2, стр. 565.

⁴⁾ Св. Исаака Сиріянина слова подвижническія, стр. 419.

⁵⁾ Ibid., стр. 12.

рукахъ; сколько разнится нарисованное небо отъ истиннаго, столько или несравненно болѣе разлится будущая слава отъ той, какую можно видѣть на землѣ¹⁾. Но есть люди, которые еще здѣсь жо, на землѣ, внутренними очами созерцаютъ и будущую, небесную славу праведниковъ; это тѣ, которые стараются „стать пріятными и благоугодными Богу; таковыя здѣсь еще бываютъ восхищены въ оный вѣкъ и созерцаютъ тамошнія красоты и чудеса“²⁾; „на самомъ опытѣ, для самаго чувства осязательнымъ образомъ, ощутительно видятъ они небесныя неизреченныя блага, невыразимое наслажденіе, безпредѣльное богатство Божества, въ подлинномъ смыслѣ *ихже око не видѣтъ и ухо не слышитъ и на сердце человеку не взыдоша*,—видятъ Духа Господня содѣлавшагося упокоеніемъ, радованіемъ, наслажденіемъ и вѣчною жизнію достойныхъ душъ“³⁾; „познаютъ, просвѣщаемы будучи отъ самого Бога, что это за вѣнцы и что за воздаянія, какіе имѣютъ получить святые въ другой жизни, удостоившись, что они превосходятъ всякій умъ и всякое слово человѣческое,—познаютъ еще и то, какими имѣютъ стать послѣ общаго воскресенія какъ они, такъ и всѣ святые“,—познаютъ потому, что „святые въ настоящей жизни въ нѣкоей только мѣрѣ получаютъ залогомъ будущихъ благъ“⁴⁾. „Отъ Духа, Котораго Богъ даетъ угождающимъ Ему, познаютъ они, что имѣютъ быть подобными Богу“⁵⁾, что имѣютъ и душою и самимъ тѣломъ „причаститься таковыхъ благъ и видѣть оныя и какъ бы обладать ими“⁶⁾.

¹⁾ Слова преп. Симеона новаго Богослова, вып. 2, стр. 499.

²⁾ Преп. Макарія Египетскаго бесѣды, посланіе и слова, стр. 537.

³⁾ Ibid., стр. 38, 530.

⁴⁾ Слова преп. Симеона новаго Богослова, вып. 2, стр. 118—119.

⁵⁾ Ibid., стр. 119.

⁶⁾ Преп. Макарія Египетскаго бесѣды, посланіе и слова, стр. 557.

Нужно прибавить, что есть особенное, чрезвычайное состояніе человѣка, въ которомъ часто открываются ему неизреченныя небесныя тайны: мы упоминали уже объ этомъ исключительномъ, вышемъ состояніи созерцанія, когда и умъ невластенъ надъ собою, когда человѣкъ не знаетъ, въ тѣлѣ ли онъ или внѣ тѣла, въ этомъ ли онъ мірѣ или перенесенъ въ другой, особый міръ: это—такъ называемое восхищеніе, состояніе благодатное, при которомъ „естество возносится и пребываетъ недѣйственнымъ, безъ всякаго движенія и памятованія о здѣшнемъ“ ¹⁾,—когда „приснодвижный умъ становится недвижнымъ и немыслящимъ, безъ мыслей,—когда весь покроевается божественнымъ облакомъ и свѣтомъ, пребывая однакожъ въ сознательномъ созерцаніи и чувствѣ и вкушая тѣ блага, среди коихъ находятся; все, что находится въ глубинахъ Святаго Духа, не постижимо и неизъяснимо; умъ входитъ внутрь того, послѣ того какъ минуетъ все видимое и мысленное, и среди тѣхъ непостижимыхъ вещей недвижно движется и вращается живя паче жизни въ жизни, будучи свѣтомъ во свѣтѣ, и не свѣтомъ, поколику есть самъ въ себѣ; тогда онъ видитъ не себя самого, но Того, Кто есть выше его, и, будучи измѣняемъ мысленно отъ тамошней славы, становится совѣтъ не знающимъ себя самого“ ²⁾. Бываетъ такое чрезвычайное состояніе „во время молитвы и начало свое имѣетъ въ молитвѣ: молитва бываетъ причиною его; въ иныя же времена не имѣетъ оно мѣста, какъ показываютъ отеческія писанія“ ³⁾. „Отъ этой молитвы Духъ Святой возноситъ человѣка, восхищаетъ умъ его къ созерцанію или духовному видѣнію непостижимаго,—того, что за предѣлами міра смерт-

¹⁾ Св. Исаака Сиріянина слова подвижническія, стр. 129.

²⁾ Слова преп. Симеона новаго Богослова, вып. 2, стр. 556—557.

³⁾ Св. Исаака Сиріянина слова подвижническія, стр. 80, 83, 129.

ных“¹⁾; „внутренній человекъ бываетъ восхищенъ молитвою и объемлется безконечною глубиною онаго вѣка и ощущаетъ онъ такое неизреченное удовольствіе, что всецѣло восторгается парящей и восхищенный умъ его и пропе-ходитъ въ мысляхъ забвеніе объ этомъ земномъ мудрованіи; потому что переполнены ею помыслы и, какъ плѣнники, уводятся у него въ безпредѣльное и непостижимое; почему въ этотъ часъ бываетъ съ человекомъ, что по молитвѣ его вмѣстѣ съ молитвою отходить и душа“²⁾. А „если кто спроситъ,—пишетъ св. Исаакъ Сиріянинъ,—почему же только во время молитвы бываютъ сіи великія и неизреченныя дарованія, то отвѣствуемъ: потому что неразсѣянная молитва производитъ въ душѣ ясную мысль о Богѣ; въ сіе время болѣе, нежели во всякое другое, человекъ бываетъ собранъ въ себя и уготованъ внимать Богу, вождѣлѣваетъ и ожидаетъ отъ Него милости; это есть время стоянія при вратахъ царскихъ, чтобы умолять царя, и прилично исполниться прошенію умоляющаго и призывающаго въ это время; ибо бываетъ ли другое какое время, въ которое бы человекъ столько былъ приуготовленъ и такъ наблюдать за собою, кромѣ времени, когда приступаетъ онъ къ молитвѣ? Во время молитвы созерцаніе ума устремлено къ единому Богу и къ Нему направляетъ все свои движенія, Ему отъ сердца, съ раченіемъ и непрестанною горячностію, приносить моленія; а водруженіе нами въ себѣ памятованія о Богѣ есть уже вселеніе въ насъ Бога; и посему въ это время, когда у души бываетъ одно единственное попеченіе, прилично источаться божественному благоволенію. Какое другое время такъ свято и по святынѣ своей столько при-

¹⁾ Ibid., стр. 129, 80, 84.

²⁾ Преп. Макарія Египетскаго бесѣды, посланіе и слова, стр. 551—552.

лично пріятію дарованій, какъ время молитвы, въ которое человѣкъ собесѣдуетъ съ Богомъ? Въ это время человѣкъ съ усиленіемъ отвсюду собираетъ во едино все свои движенія и помышленія и погружается мыслию въ единомъ Богѣ и сердце его наполнено бываетъ Богомъ, и оттого уразумѣваетъ онъ непостижимое; ибо Духъ Святой, по мѣрѣ силы каждаго, дѣйствуетъ въ немъ, и дѣйствуетъ, заимствуя вещество изъ того самаго, о чемъ кто молится, такъ что внимательностію молитва лишается движенія и умъ поражается и поглощается изумленіемъ и забываетъ о вожделѣннѣйшей собственности своего прошенія и въ глубокое упоеніе погружаются движенія его и бываетъ онъ не въ мірѣ семъ¹⁾. По преимуществу открываются въ то время человѣку „тайны будущаго состоянія и житія“²⁾; человѣкъ „чувствомъ ощущаетъ духовныя вещи онаго вѣка, превышающія понятіе человѣческое, уразумѣніе которыхъ возможно только силою Святаго Духа“³⁾. Такое восхищеніе имѣлъ, какъ извѣстно, ап. Павелъ⁴⁾. По объясненію преп. Симеона новаго Божеслова, „неизреченныя оныя глаголы, какіе слышалъ божественный Павелъ, не другое что суть, какъ сокровенныя и вѣдѣныя неизъяснимыя и незримыя, чрезъ осіяніе отъ Духа Святаго бывающія, созерцація, ученія и откровенія, превосходящія мѣру человѣческаго естества и силы, и богодѣльныя и недомыслимыя уразумѣнія пресвѣтлой и пренедомѣдомой славы и божества Сына и Слова Божія, какія, будучи открываемы, болѣе ясными и болѣе чистыми представляются тѣмъ, кои достойны того. Св. Павелъ видѣлъ и

¹⁾ Св. Исаака Сиріянина слова подвижническія, стр. 80—83, 516, 517.

²⁾ Ibid., стр. 129.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ 2 Кор. 12, 2—4.

блага царствія небеснаго, какія имѣють быть дарованы праведнымъ, и узналъ и удостовѣрился до точности, что любящіе Бога отъ всей души и соблюдающіе заповѣди Его имѣють несомнѣнно получить сіи блага по второмъ пришествіи Господнемъ и по воскресеніи мертвыхъ“¹⁾. Имѣлъ восхищеніе преп. Антоній Великій, „стоя на молитвѣ девятаго часа и ощутивъ въ это время возношеніе ума своего; и другой изъ отцевъ, съ воздѣтыми руками стоя на молитвѣ, приходилъ въ восхищеніе на четыре дня; и другіе многіе во время таковой молитвы плѣняемы были сплѣннымъ памятованіемъ о Богѣ и великою любовію къ Нему и приходили въ восхищеніе“²⁾; а преп. Макарій Великій сообщаетъ, какъ „нѣкто изъ братіи, молясь вмѣстѣ съ другими, плѣненъ былъ божественною силою и въ восхищеніи увидѣлъ горній градъ Іерусалимъ, свѣтлыя тамошнія жилища и свѣтоносныя изображенія и безпредѣльный неизреченный свѣтъ и слышалъ голосъ, который говорилъ: это есть мѣсто упокоенія праведныхъ“³⁾. Восхищеніе, впрочемъ, есть состояніе сравнительно очень рѣдкое: по замѣчанію св. Исаака Сиріянина, „его сподобляется одинъ изъ многихъ тысячъ людей“⁴⁾, потому что возможно оно только для людей совершенныхъ, которые „храненіемъ заповѣдей Господнихъ и внутренно и наружно совлекаются грѣха“⁵⁾.

Какъ видимъ, границы нашего внутренняго религіознаго опыта чрезвычайно широки: въ немъ не теоретическіи, а практически, опытно, человѣкъ получаетъ несомнѣнную увѣренность во всемъ, чего только касается христіанская

¹⁾ Слова преп. Симеона новаго Богослова, вып. 1, стр. 435, 439, 440.

²⁾ Св. Исаака Сиріянина слова подвижническія, стр. 130.

³⁾ Преп. Макарія Египетскаго бесѣды, посланіе и слова, стр. 201, 542.

⁴⁾ Св. Исаака Сиріянина слова подвижническія, стр. 129.

⁵⁾ Ibid., стр. 130.

религія; человекъ внутренно переживаетъ все это, сродняется съ нимъ; а вѣдь иное дѣло прочесть объ этомъ въ книгахъ или услышать отъ другихъ, и совершенно иное дѣло пережить и почувствовать самому. „Иное дѣло, говорить преп. Макарій Великій, разсуждать о хлѣбѣ и о трапезѣ, а иное дѣло ѣсть и принимать въ себя хлѣбную питательность и укрѣпляться всѣми членами; иное дѣло на словахъ поговорить о самомъ сладкомъ питіи, а иное пойти и почерпнуть изъ самаго источника и насытиться вкушеніемъ сладкаго питія: иное дѣло разсуждать о войнѣ, о мужественныхъ борцахъ и войнахъ, а иное идти человеку въ воинскій строй и вступить въ сраженіе со врагами, наступать и отступать, принимать на себя и наносить удары и одерживать побѣду; такъ и въ духовномъ: иное дѣло однимъ вѣдѣніемъ и умомъ объяснять себѣ сказанное, а иное дѣло существенно, на самомъ дѣлѣ, съ несомнѣнностію, во внутреннемъ человекѣ и умѣ имѣть сокровище, благодать, вкушеніе и дѣйствіе Святаго Духа; произносящіе одни только слова мечтаютъ и надмеваются своимъ умомъ, а наше слово и наша проповѣдь не въ препрѣтельныхъ чело-
вѣческихъ премудростяхъ словесныхъ, но въ явленіи духа и силы ¹⁾ Религіозный опытъ уясняетъ намъ и то, что и сама религія не есть что либо внѣшнее, навязанное человеку со стороны а что она есть нѣчто родное ему, мало того— что религія есть жизнь нашей собственной богоподобной души; религіозный опытъ показываетъ, что только въ религіи человекъ и выявляетъ себя, какъ разумно-свободное, нравственное существо. И разъ человекъ сознаетъ все это, разъ онъ это почувствуетъ, тогда никакія теоріи, унижающія религію,

¹⁾ Преп. Макарія Египетскаго бесѣды, посланіе и слова стр. 277—278.

какъ реальное, нравственное общеніе человѣка съ высочайшимъ Существомъ, никакіе доводы противниковъ религіи, чего бы они ни касались, не будутъ имѣть для человѣка никакой силы; никакія атеистическія или матеріалистическія разсужденія не одолѣютъ человѣка, никакія противохристіанскія воззрѣнія не привлекутъ его къ себѣ. Обыкновенно у мыслящаго человѣка „умъ его, сознанъ, въ чемъ существо жизни христіанской, и не находя ея въ себѣ, начинаетъ работать, чтобы добиться до того, читаетъ, размышляетъ, бесѣдуетъ; при этомъ та истина, что жизнь зависитъ отъ сочетанія съ Господомъ, представляется въ разныхъ видахъ и обсуждается, но все еще остается далекою отъ сердца, еще не ощущается; отъ того и плода не приноситъ. Мысли неудержимо бродятъ и колеблютъ нерѣдко самыя основанія жизни. Главное, что въ этомъ состояніи томить и тревожить, это то, что всѣ истины вѣры, будучи содержимы только познавательною стороною, подвержены въ ней нападенію недоразумѣній, сомнѣній и невѣрія: увѣряешь себя, что все поднимаешься впередъ, и, по естественному заблужденію, изъ разнообразія точекъ зрѣнія заключаешь, что расширяешь и умножаешь свои свѣдѣнія; между тѣмъ великіе вопросы о воплощеніи, о страданіяхъ, о смерти, о воскресеніи Іисуса Христа остаются неразрѣшимыми, или стараешься согласовать ихъ посредствомъ аллегорическихъ толкованій и системъ, болѣе или менѣе остроумныхъ, и если въ концѣ концовъ еще не находишься погруженнымъ въ сомнѣнія,—увѣряешь себя, что ходишь въ сумракѣ вѣры: это великое слово, дурно понятое и еще хуже приложенное, отвѣчаетъ на все и успокаиваетъ на счетъ всего. Больше или меньше, но всѣ испытываютъ это, особенно изъ тѣхъ, которые заняты науками и слѣдовательно развиваютъ въ себѣ болѣе познавательную сторону. Жалки всѣ приемы для успокоенія ума, придумываемые

тѣми, которые вступаютъ въ область вѣры безъ смиренной покорности вѣрѣ, съ самонадѣянною увѣренностію все понять и уяснить! Недоумѣніе за недоумѣніемъ роится въ умѣ и самъ же онъ спѣшитъ устранять ихъ своими способами; но что ни придумываетъ, удовлетворенія не встрѣчаетъ. И всегда будетъ такъ, пока сердце опытно не ощутитъ истинности всѣхъ истинъ св. вѣры. Только тогда истины эти начнутъ одна за другою переходить въ сердце,—каждая въ свое время, будто внезапно, въ видѣ озаренія,—и, обращаясь въ сокъ и кровь, отстранять напередъ всякую возможность недоумѣній и сомнѣній. И тогда всѣмъ колебаніямъ и недоумѣніямъ конецъ; тогда душа успокоивается на лонѣ вѣры и свѣтъ Божій прочно озаряетъ все внутреннее. Послѣ сего можете слышать тысячи возраженій,—сердце не поколеблется; ибо оно ощущаетъ, что все воистину такъ есть, какъ исповѣдуется¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, станетъ ли человѣкъ вѣрить разсужденіямъ разнаго рода либеральныхъ философовъ, отрицающихъ, напр., значеніе религіи въ жизни,—такой человѣкъ, который самъ понимаетъ и знаетъ, что такое религія, потому что переживаетъ ее въ сердцѣ, чувствуетъ и сознаетъ свое единеніе съ Творцомъ? Какую цѣнность могутъ имѣть въ его глазахъ атеизмъ, матеріализмъ, пантеизмъ, деизмъ и всѣ другія подобныя воззрѣнія, когда человѣкъ самъ ощущаетъ въ себѣ Бога, какъ личное всеблагое существо, всегда promышляющее о немъ? Вѣдь личный внутренній опытъ, личныя религіозныя переживанія человѣка сильнѣе для него всякихъ чудесъ, такъ какъ чудеса для насъ есть нѣчто *внѣшнее*, нами только видимое и слышимое, и то *посредственно*, а личныя внутреннія переживанія есть наше *собственное*, чувствуемое и со-

¹⁾ Еп. *Оеопанг.* Письма о духовной жизни, стр. 92—95, 247.

знаваемое совершенно *непосредственно*. „Таковъй человѣкъ“, сердцемъ переживающій истины религіи, „не падаетъ“ ¹⁾; едвали что либо способно отстранить или отдалить его отъ религіи, потому что на опытѣ узнаетъ онъ, какія блага даетъ религія душѣ. *)

С. Песоцкій.

¹⁾ Преп. Макарія Египетскаго бесѣды, посланіе и слова, стр. 278.

⁴⁾ Окончаніе будетъ.